

Клянусь, я тебя найду

Инна Корогид

Каролина с самого утра не находила себе места. Предложила свою помощь маме, но та деликатно попросила не мешать, если она хочет, чтобы что-нибудь важное не забыли дома.

Сборы! Наконец-то! Как Каролинка ждала этого момента! Сама она уже три дня, как готова к путешествию, но родители... Откладывают всё на последний день, а потом суетятся, спешат, всегда им не хватает пяти минут, и обязательно что-то важное забывают. Потом мама будет упрекать отца, а он - маму.

- С этими родителями одни недоразумения, - вздохнула Каролинка. - Слава Богу, я уже взрослая, вчера исполнилось десять лет.

Даже бабушка вчера сказала:

- Ну, теперь ты совсем взрослая девочка, можешь сама решать свои проблемы, а не надеяться только на родителей.

- Бабуля, ты ведь знаешь, я всегда стараюсь всё делать сама, разве на моих родителей можно положиться? Они вечно всё забывают. Вот в прошлом году, например, почти целый год собиравшись в Италию, даже списки составили, чтобы ничего не забыть. Взяли всё для кемпинга, а главное забыли. Оставили палатку! И всё потому, что считают меня ребёнком и не разрешают помогать.

- Хорошо, хорошо, Каролинушка, - рассмеялась бабушка, - но не забывай о том, что говоришь о своих родителях.

- Ну что ты, бабуля, ты ведь знаешь, как я их люблю! Но что я могу сделать, если они такие забывальские и рассеянные? Знаешь, если бы не я, то уверена, они оставили бы дома половину важных вещей.

- Ах, ты моя лапушка! Лучше расскажи, что ты для себя-то приготовила и чего не забыла положить в рюкзак?

- Ничего не забыла. А главное, у меня есть карты наших маршрутов, всех арабских стран ... Боже, как я счастлива! Все девчонки в классе завидуют мне.

Такое путешествие! Не могу поверить!

Каролина заглянула в комнату родителей. Мама, увидев её, растерянно развела руками:

- Ты только посмотри, в этом балагане ничего не могу найти!

- А что ты ищешь?

- Ну, хотя бы карты наших маршрутов. Я приготовила их ещё месяц назад.

- Они у меня в рюкзаке.

- А где англо-арабские разговорники?

- Тоже у меня.

- А лекарства?

- И лекарства, - рассмеялась Каролина, подбежала к маме, обняла её, поцеловала. - Правильно папа говорит, что ты у нас самая большая растеряха в мире.

Мама тоже рассмеялась и нежно произнесла:

- Ах, вот как?! Спелась, стало быть, против меня?

Вошёл отец:

- Ну, как сборы? Финиш?

- Какой там финиш? Лучше помоги закрыть чемодан!

Через пять часов счастливая семья сидела в самолёте, летящем в сторону Тегерана. Время для Каролины тянулось медленно. Она не могла дождаться, когда же её нога ступит на землю, представлявшуюся ей землёй из "Тысячи и одной ночи". Ей казалось, как только она сойдёт с самолёта, сказка превратится в реальность.

Самолёт приземлился, и началась таинственная, захватывающая дух сказка. Но это была уже другая сказка, где главным действующим лицом была она сама, девочка из далёкого современного европейского города Варшавы, со своей культурой, обычаями, языком, со своей религией и историей. А здесь? Совсем другой мир. Огромный, необъятный город - Тегеран! Восемь миллионов жителей! Это же четыре Варшавы. Но не это главное. Женщины!". Только по одежде и догадаешься. Почти все в чёрном и с закрытыми лицами, чтобы никто из прохожих не разглядел их.

- Странно. Неужели здесь нет красавиц? - удивлялась Каролина. - Конечно,

таких красивых, как мама, может быть, и нет, но ведь в "Тысяче и одной ночи" почти все женщины прекрасны. А если прекрасны, то зачем закрывать лицо? На другой день поехали осматривать город. Вечером поднялись на самое высокое место и замерли в восторге. Потрясающе! Весь Тегеран, сверкающий огнями, в волнах чарующей нежной музыки, как на ладони. Виден дворец Голистан, подсвеченный прожекторами. Папа сказал, что они обязательно пойдут туда, что это Центр арабской культуры. Каролинка не очень любила музеи, ей было там скучно. Всё мёртво, вылизано до противности. Но родителям хочется, и Каролина изобразила на лице радость от будущего посещения музея. Никуда не денешься, надо. Конечно, было бы лучше пойти на знаменитый тегеранский базар, вот где, действительно, настоящий музей.

Один день решили "пожертвовать" один день базару. Попали в совершенно иной мир. Продавцы мужчины. Арабские женщины были либо покупательницами, либо помогали своим мужьям, не покидая крошечных магазинчиков. И, конечно, на каждой паранджа. А какое необычайное разнообразие товаров, какие яркие цвета! Ковры, шелка, изделия из дерева, кожи, бесчисленные золотые и серебряные украшения. Шум, гам, толчея, продавцы стараются перекричать друг друга, зазывая покупателей и расхваливая свой товар даже по-английски. Каролина с пяти лет учила английский, так что проблем с пониманием не было. Да. Базар необыкновенно живописен. Вероятно, автор "Тысячи и одной ночи" такого и во сне не видел, хотя у него описано тоже что-то похожее.

У Каролины разбегались глаза, хотелось купить и то, и это, но она понимала, что у родителей просто не хватило бы на всё денег. Скромно попросила купить ей какой-нибудь сувенир.

- Хорошо, - согласилась мама, - выбери сама, только не забирайся далеко, ещё заблудишься. А вообще-то постарайся не отходить от нас.

Каролина остановилась возле маленького магазинчика с разнообразными украшениями. Её внимание привлекли остроносые туфельки, расшитые

жемчугом. Как замороженная смотрела она на них.

- Мама, - позвала она, - я уже знаю, чего мне больше всего хочется.

- Подожди немного, сейчас подойдём, - ответила мама, внимание которой привлёк магазинчик напротив.

- Девочка, - позвал на плохом английском хозяин лавки, - тебе нравятся эти туфельки?

- Да, очень.

- Войди в магазин и выбери. У меня есть ещё лучше.

Каролина улыбнулась, помахала маме и вошла в магазинчик. Не успела она переступить порог, как какой-то верзила с огромными усами схватил её здоровенными волосатыми ручищами. От неожиданности она вскрикнула, но великан, крепко прижав её одной рукой, другой плотно зажал рот. Девочка дёргалась, безуспешно пытаясь вырваться из лап этого страшилища, пока ей не удалось каким-то чудом укусить его. Из всей, умноженной страхом и отчаянием, силы она впилась зубами в эту ненавистную, потную руку. От боли и неожиданности бандит на мгновение ослабил хватку. Этого оказалось достаточным, чтобы Каролина, как змейка, выскользнула и выбежала на улицу, громко крича:

- Мама! Папа! Где вы? Меня хотят украсть!

Родители в недоумении уставились на дочку, не понимая, что же могло произойти в столь короткое время? Они не смогли ещё осознать, какая опасность грозила девочке. Она же, прижавшись к ним, дрожа и заливаясь слезами, пыталась рассказать, что с ней произошло.

Подшли полицейские, отец старался втолковать им, что нужно обратить внимание на владельца лавки, что он, вероятно, хотел заманить девочку, чтобы дать возможность сообщнику украсть её. Беата, мама Каролины, только крепко прижимала её к себе, с ужасом представляя, что могло бы произойти.

Полицейские стали допрашивать хозяина лавки, где всего несколько минут назад стояла Каролина и, как Золушка, мечтала о туфельках, расшитых мелким

жемчугом. Тот объяснил, что, действительно, эта девочка задержалась у его прилавка. Когда же он спросил, чего она желает, то, вероятно, она не поняла его и отошла. Неправда, что он приглашал её в магазин, и никакого большого мужчины с огромными усами он не видел. Да и вообще нет таких поблизости. Так что пусть от него отстанут.

Каролина и её родители понимали, что истины они не добьются - полиция всегда на стороне своих, а те могут сказать, что плохо понимают по-английски. Гулять уже, конечно, не хотелось, решили вернуться в гостиницу. Каролина продолжала плакать, не могла прийти в себя. Перед её глазами стояло это чудовище - высокий толстый мужчина с огромными чёрными усами. Родители понимали, что это не пустая фантазия ребёнка - на её блузке даже остались следы крови, вероятно, брызнули из прокушенной руки похитителя.

На другой день посещение дворца Голистан отвлекло всех от вчерашнего происшествия. Необыкновенно интересно. Дворец был построен в XVIII веке, и здесь собраны лучшие образцы исламского искусства, монументального, декоративного и прикладного. Много рукописей и миниатюр. Миниатюры оставляют особенно незабываемое впечатление. Через них постигаешь талант и необычайное терпение арабского народа.

И вот сейчас Беата и Богдан восхищённо рассматривают эти шедевры миниатюры и не устают поражаться таланту людей, их создавших. А вместе с тем они чувствуют странное ощущение, что это искусство волнует глаз, а не душу, разум, но не сердце ...

- Богдан, ты только посмотри, насколько утончённой должна быть рука человека, чтобы создать на такой маленькой коробочке целую панораму жизни! Это потрясающе!

- Да, потрясающе ..., но ...

- Что, "но"?

- Но ... не берёт за душу ..., не волнует ..., хотя, действительно, потрясает.

- Я думаю, это от ислама. Знаешь, как переводится "ислам"? Покорность. Да,

покорность. Вот почему во всех арабских произведениях мы чувствуем эту покорность. Исламское искусство восхищает, но не волнует, оно несёт некую гармонию и покой, но не будоражит души и сердца. Эта религия не даёт права на бунт.

Каролина слушала, впитывая в себя каждое мамино слово. Ей всегда были интересны мамин рассказы. Ещё бы, её мама - совершенно необыкновенная.

Сколько раз она слышала, как папины друзья говорили:

- Богдан, тебе повезло, выбрал самую красивую девушку, да ещё такую умницу!

Каролина улыбнулась. Беата заметила её улыбку и спросила:

- Может, тебе, Каролинушка, не всё понятно? Но это не страшно, подрастёшь - поймёшь.

- Нет мамочка, мне всё-всё понятно. А улыбнулась потому, что у меня самая красивая и самая умная мама на свете.

Все рассмеялись, и растроганная мама, крепко обняв дочь, увлекла её в следующий зал.

Так незаметно бежали день за днём, неминуемо приближая час расставания с Тегераном. Напоследок решили ещё раз посетить базар, а на следующий день предстояло выехать в глубь страны, туда, где Евфрат и Тигр, слившись вместе, несут свои воды в Персидский залив. Оттуда было решено отправиться в столицу Ирака, Багдад, и уже после этого вернуться домой, в любимую Варшаву.

Придя на базар, папа первым делом купил изящный собачий ошейник с поводком и сказал:

- Вот, дорогая, этот ошейник я купил специально для нашей дочери. Мы наденем его ей на руку и будем крепко держать другой конец. Таким образом, наше сокровище никто не украдёт.

- Отлично, папуля. Я согласна быть твоим маленьким щеночком.

Они долго бродили по торговым рядам, накупили массу сувениров, подарков друзьям и родственникам. Мама осуществила, наконец, свою давнюю мечту и

купила отличный шёлк на платье. Порядком устав и проголодавшись, решили зайти в кафе, отдохнуть и перекусить. Неожиданно Каролина воскликнула:

- Папа, смотри, смотри, вон тот человек, который хотел меня украсть!

Смотрите же!

Отец и мать повернулись в ту сторону, куда указывала дочь, но бандита уже и след простыл.

- Ну вот, опять скрылся! Я уверена, это был он!

- Успокойся, доченька, теперь никто даже силой тебя от нас не оторвёт.

Идёмте в кафе!

Зашли. Кафе называлось "Земфира". Настроение у всех было отличное.

Заказали кофе, сок для Каролины и, конечно, разные восточные сладости. Папа начал подписывать открытки с видами Тегерана. Он посылал их в Польшу каждый день. Каролина тоже решила написать бабушке, поделиться увиденным, похвалиться подарками. Через некоторое время мама предложила Каролине пойти вместе в туалет".

Уже больше десяти минут, дочь и жена не возвращались. Богдан начал нервничать, вызвал хозяина и попросил разрешения пройти в женский туалет. Вначале тот возражал, но, видя неподдельное беспокойство гостя, согласился пройти вместе. В туалете было две кабинки, дверь одной из них была распахнута.

- Беата! Каролина! - закричал Богдан.

Молчание ...

Не спрашивая разрешения, он с силой рванул закрытую дверь и увидел дочь, опутанную верёвкой и с заклеенным пластырем ртом. Быстро освободил девочку.

Рыдая, она кричала:

- Папа, маму украли, украли! ... Этот человек с усами! ... Я не видела его, но почувствовала его запах - это он! Их было двое!" Они хотели вернуться за мной! ...

Богдан, не выпуская руку дочери из своей, побежал к телефону, набрал номер польского посольства, срывающимся голосом попросил немедленно приехать представителя, сказав, что похитили его жену и покушались на дочь.

Вскоре прибыли представители посольства с арабскими полицейскими. Началось расследование. Но попытки установить личность человека с большими чёрными усами не дали никаких результатов ...

Прошло полторы недели. Беата как в воду канула. Иранская полиция только разводила руками. Консул тоже оказался бессилён. По его словам, здесь довольно часты похищения красивых европейских девушек и молодых женщин, и крайне редко удаётся их вызволить. Только, если девушке сама сможет убежать и добраться до посольства своей страны. За последние пять лет только двоим посчастливилось освободиться ... Будем надеяться ...

"Будем надеяться". Легко сказать! Богдан весь извёлся в своём бессилии.

Каролина была в шоке. Целыми днями бродили они по базару, надеясь напасть на след усатого бандита. Ни отец, ни девочка не сомневались, что это именно он был преступником. По несколько раз заходили в посольство. Тщетно ...

На десятый день консул сказал, что не видит смысла в их пребывании в Тегеране и советует возвратиться на родину. Следствие, естественно, будет продолжаться под контролем посольства. О результатах им сообщат.

Вернулись в Варшаву. Бабушка переехала жить к ним. От ужаса пережитого отец совершенно замкнулся в себе, никого и ничего не замечал, весь ушёл в работу. Даже Каролина стала для него как бы чужой. После работы закрывался в своей комнате и часами смотрел на портрет жены, молодой, красивой, с золотыми, как спелая пшеница, длинными пушистыми волосами, с огромными, серо-зелёными прекрасными глазами, взиравшими на мир удивлённо и, вместе с тем, доброжелательно и тепло.

- Где ты? Что с тобой, моя единственная любовь, моё сокровище? Какие муки ты переносишь вдали от нас? - такие мысли мучили его при взгляде на полное жизни лицо любимой.

Минуло пятнадцать лет ...

Пять лет назад неожиданно умер отец. Сердце не вынесло свалившегося

несчастья. Оно остановилось, когда он, как всегда по вечерам, сидел в кресле, глядя на портрет жены. Тяжело пережила Каролина это новое горе. Если не считать бабушки, осталась она круглой сиротой.

Все эти годы ни на миг не покидала её боль утраты, ни на час не могла забыть тот ужасный день. Уже тогда, в свои десять лет, поклялась перед Богом, что бы ни случилось, сколько бы времени ни прошло, но она разыщет свою любимую мамочку, и эта клятва стала руководством всей её жизни, всех поступков.

Каролина была красивой, умной, образованной девушкой. Парни заглядывались на неё, но они её не интересовали. Завистливые девчонки называли её "старой девой" Смешно! Разве можно быть старой девой, если пользуешься таким вниманием со стороны сокурсников и коллег? Правда, был у неё один верный поклонник, настоящий друг. Ей он тоже нравился - скромный, чуткий, ненавязчивый. Он же надеялся, что сможет со временем растопить её сердце и готов был ждать этого долго. Каролина действительно была очень хороша собой - копия мать. Такие же светлые волосы цвета спелой пшеницы, такие же огромные, лучистые, тёплые глаза, только карие, в отца, такая же прекрасная стройная фигура. Бабушка особенно это чувствовала и часто называла её Беатой. Друзья же утверждали, что она не копия, а оригинал матери.

Закончив школу, она решила поехать в Москву и поступить на факультет востоковедения Московского университета. Для всех это было полной неожиданностью. К тому времени она отлично владела английским и самостоятельно учила арабский и курдский. Экзамены сдала отлично. Пять лет учёбы пролетели быстро. После второго курса каждый год ездила в Багдад и Тегеран на двухмесячную практику. Так усовершенствовалась в персидском или, как называют его иранцы, фарси, что даже придирчивые языковеды отмечали её безукоризненное знание всех тонкостей языка.

Будучи в Тегеране, она часто одевалась в национальное платье, прятала волосы под чёрный парик, закрывала лицо покрывалом-чадрой и часами бродила

по базару, выискивая человека с большими усами. Ей удалось несколько раз увидеть его. Его сообщник, предложивший десятилетней девочке зайти померить туфельки, имел всё ту же лавку. Постарел, растолстел, но всё так же громко зазывал покупателей. Как-то Каролина увидела их вместе, они о чём-то оживлённо разговаривали и громко смеялись.

Свой план она решила осуществить в этом году, году, когда ей исполнилось двадцать пять лет. Работала она в министерстве иностранных дел, её считали просто незаменимой в отделе экономических и культурных связей с арабскими странами. Поэтому первые три года не могло быть и речи о полугодовом отпуске. Но сейчас она, наконец, настояла на своём. Никому и никогда, даже любимой бабушке, не рассказывала она о своей клятве, и только своему верному другу и поклоннику Томашу раскрыла эту тайну. Оставила ему адреса людей, через которых можно было её найти. Ещё раз тщательно проанализировала и рассчитала все свои действия. Всё организовав и подготовив, вылетела в Тегеран. Ещё будучи студенткой и приезжая сюда на практику, она познакомилась и подружилась с несколькими иранскими семьями. Узнала от них, что правители, властители административно-территориальных частей страны, имеют обширные владения, огромные дома-дворцы, часто и не один, и понятие "гарем" там далеко не устарело. Естественно, таких гаремов, по крайней мере официально, нет в Тегеране, но зато в провинции - много. Там всё ещё господствуют нравы и обычаи, существовавшие столетия назад. Каролина была почти уверена, что мама стала жертвой одного такого "шаха". Также понимала, что человек с усами, это только "добыватель" красивых женщин, работающий за определённую плату.

Остановилась у своей старой знакомой. В своё время Каролина объяснила ей, что изучает нравы и обычаи народа, так как пишет книгу об Иране, а для этого должна иногда одеваться как мусульманка, пусть её это не удивляет. Она не вызывала подозрений у одинокой доброй иранки, довольной уже тем, что ей хорошо платят за гостеприимство. Несколько лет назад она овдовела, дети жили

отдельно, посещали её только по большим религиозным праздникам, и мало кого интересовала жизнь старой женщины. Каролину это устраивало как нельзя лучше, к тому же Зарида не была любопытной и не задавала лишних вопросов.

На другой день решила выбраться на базар. Одеда светлое лёгкое платье, распустила пушистые золотые волосы, деликатно подчеркнула помадой губы и тушью ресницы и направилась к лавке, где десятилетней девочкой увидела удивительно красивые туфельки, сыгравшие в её жизни такую трагическую роль. Подошла. Остановилась. Стала разглядывать витрину. Вышедший хозяин взглянул на неё и оторопел". Заикаясь, на плохом английском спросил, что она желает. Каролина пристально посмотрела на него и сказала, что желает туфельки, расшитые жемчугом. На что хозяин предложил войти в магазин и выбрать там. Девушка отказалась - она желает примерять на свежем воздухе. Толстяк вынес несколько пар, но ни одна не подошла. Он рассыпался в любезностях, заверял, что завтра найдёт нужные хоть из-под земли, даже не возьмёт с неё денег. Каролина заверила его, что в состоянии заплатить, что придёт завтра между десятью и двенадцатью часами. Отойдя подальше, вернулась и стала наблюдать с безопасного расстояния. Лавка оказалась уже закрытой. Через четверть часа хозяин вернулся, но не один ..., а с тем самым усатым бандитом, что-то оживлённо ему объясняя. Открыл лавку, не прекращая болтать.

- Первое действие прошло успешно, внешний вид сыграл свою роль, - удовлетворённо сказала себе Каролина.

На следующий день, одетая в национальное платье, в чёрном парике и с лицом, закрытым паранджой, ничем не отличаясь от сотен иранских женщин, в десять утра она появилась у магазинчика и стала копошиться в многочисленных товарах. Хозяин лениво спросил, чего она желает. Ответила, что сама ещё не знает. Он перестал обращать на неё внимание. Взгляд его бегал по сторонам, он явно ждал вчерашнюю посетительницу. Наконец, он отошёл к дверям и тихо произнёс:

- Не волнуйся, я уверен, что она придёт.

- И ты говоришь, что она похожа, как роза с одного куста, на ту, которую я когда-то украл для Сулеймана?

- Ах, Докур, ещё прекрасней! Я такой красавицы в жизни своей не видел.

Погоди, этот старый, выживший из ума Сулейман сколько тебе тогда заплатил?

- Лучше не спрашивай. Обещал через три месяца ещё доплатить. Но его обещания - пустые слова. Он был очень зол. Та золотоволосая оказалась самим дьяволом. Мне рассказывали, она хотела его убить, но это вовремя открылось". А знаешь, Зариб, эта дьяволица родила ему дочь. А потом, не знаю точно, то ли умерла, то ли старый хитрец продал её кому-то. Зато теперь у этого плешивого Сулеймана дочь красоты неопишуемой. Старый для неё ничего не жалеет, даже сыновей своих ни во что не ставит.

- Да, Докур, видишь, какова жизнь? Мы с тобой весь свой век тяжело работаем за гроши, а такой Сулейман всё имеет. Столько денег, гарем." А у нас с тобой только по одной жене ... Всю жизнь одна жена. О, Аллах!

- Тебе ли упрекать судьбу? Твоя хоть была красавица. А мне досталась на один глаз слепая, да ещё и ворчливая. Всегда тебе завидовал.

- Да чего там завидовать? Всю жизнь - одна". А если бы были богаты, то золотоволосая была бы нашей, разве не так?

- Ах, мечты, мечты". Ну где же твоя красавица?

- Не беспокойся, придёт, ещё есть время". Ну что, старая, выбрала ли себе, наконец, что-нибудь?

- Дорого у тебя всё, хозяин.

- Тогда иди себе с Аллахом.

Быстро прибежала домой, переоделась, подкрасилась, достала медальон, в котором находились несколько зашифрованных номеров телефонов, несколько дорогих старинных золотых монет. Надела массивную золотую цепь, и такой же тяжёлый золотой браслет - всё это в трудный момент может выручить, и пошла на встречу ...

- Гуд мониторинг. Извините, немного опоздала.

- Ничего, ничего, красавица. Всё есть, как обещал. Сам не имел, зато мой друг привёз. Докур, выходи, - перешёл он на фарси, в уверенности, что белокурая девушка никак не может знать их языка. - Взгляни, ну что, правду ли я говорил?

- Ах, Зариб, она даже прекрасней той дикой козочки! Да простит меня Аллах, так обидно, что такой персик снова достанется этому плешивому ... На этот раз плата вперёд и баста. Да и тебе, мой друг, должно что-то перепасть.

- Хвала Аллаху! Перепадёт что-то, и на том спасибо. Я, как увидел это чудо, сразу подумал о тебе, что надо дать моему старому верному другу возможность подзаработать. Понимаю, как трудно тебе с твоей старой приходится. Никакого проку от неё, всё время хворает, а лекарства такие дорогие. Пусть на этот раз Аллах тебе поможет!

Весь этот диалог происходил при девушке, а она, делая вид, что ничего не понимает, придирчиво перебирала массу расшитых жемчугом туфельки и старалась не пропустить ни слова.

- Ну, красавица ненаглядная, выбрала?

- Нет, всё это не то, чего бы мне хотелось.

- Тогда, роза северная, пройди в магазинчик, может там найдёшь достойные туфельки.

- Хорошо, - с улыбкой ответила девушка, а черноусый даже рассмеялся, проговорив по-арабски:

- Вижу, с ней хлопот не будет. Ох, и рад будет старый Сулейман, ненасытная свинья плешивая.

Каролина прошла в лавку. Сердце билось от волнения, но она сумела сохранить спокойный и беззаботный вид. Черноусый, глядя на неё, подумал, а может быть, такая легкомысленная девушка согласится поехать с ним, ведь справиться с ней силой будет, пожалуй, нелегко.

- Зариб, предложи ей пойти, якобы в мою лавку, а вдруг согласится". Старый уже стал, трудно мне будет дотащить её к машине.

- Красавица, мой лучший друг, самый порядочный человек на свете,

предлагает осмотреть его лавку. У него товар куда лучше моего. Это богатый человек. Прошла бы ты с ним своими чудесными ножками и выбрала бы, что душа желает.

- Хорошо, я не спешу. Могу посмотреть, что твой друг может предложить, - ответила она, стараясь сдержать волнение.

Вышли. Подходя к машине Докур крикнул шофёру, чтобы тот быстро открыл дверь, с силой толкнул оторопевшую девушку на заднее сиденье, сам втиснулся рядом, захлопнул дверцу, и машина рванула. Каролина начала кричать, стучать в окно. К ней вернулось состояние, испытанное пятнадцать лет назад - страх, ненависть, отвращение от запаха его толстой руки, что пыталась, как и тогда закрыть ей рот. Но сейчас она только делала вид, что вырывается, и даже не думала кусаться, до того он был ей противен.

Машина выехала за город. Она увидела, как изменился пейзаж - почти никакой растительности, только редкие чахлые кустики, да движимые ветром "перекати-поле" создавали иллюзию жизни. перестав биться и вырываться спросила похитителей, куда её везут, но те не отвечали, видимо, не понимали по-английски.

Только между собой изредка перебрасывались фразами:

- Ну что, Харун, хороша?

- Ещё как! Правда дочка хозяина, пожалуй, красивей. Видел ты её?

- Нет. Я не частый гость у твоего господина.

- Вот будет забава! Прекрасная Зубейда не допустит, чтобы в доме была женщина, похожая на неё. Изведёт её, помяни моё слово, уничтожит ... Красоту свою взяла от матери, а характер - вылитый отец - строптивая, неподвластная

- А что стало с её матерью, этой дикой козочкой? Правду говорят, после родов Аллах забрал её душу?

- Слушай больше! Я тебе скажу правду, но ты уж не проболтайся, знаешь старого - убьёт. Продал он её, своему брату продал, тому, что живёт недалеко от Исфакани, у него ещё лучшие шелка. Да и гарем у него почище, чем у моего хозяина. Я сам и отвёз её туда ... А Сулейман правильно сделал, что продал эту

дикую кошку. Укротить бы не укротил, это было ясно. Не надо дочке иметь такую непокорную мать. А чего глаз не видит, по тому душа не болит. Да ... А всем сказал, что умерла.

- Ну и что? Там-то примирилась она со своей участью?

- Да ведь это баба. Наша или другая, всё равно баба, сделает он ей пару детишек, так и успокоится.

- А знаешь, Харун, я ведь тогда сначала девчонку украл, но эта дочь дьявола прокусила мне руку и сбежала. Сейчас тоже была бы редкой розочкой в саду, может и получше этой ... Смотри, какая перепуганная, бормочет что-то по-своему, ничего не понимаю. Да и кто её вообще поймёт?

- Дочка хозяина, красавица Зубейда, знает несколько языков, учится в специальной школе в Тегеране. Последнее время только летом да на праздники приезжает домой, но и то не всегда ... Так ты смотри, ни слова, а то убьёт меня старый, понял?

- Да что тут понимать?! Их привычки известны, лучше уж нам вообще ничего не знать ... Долго ещё? Уже больше двух часов едем.

- Подъезжаем, ещё полчаса, и дома.

Каролина жадно впитывала каждое слово. Значит она имеет сестру, и той сейчас может быть лет четырнадцать. Сестра от какого-то старого плешивого араба. Фу! Бедная мама, сколько ей пришлось пережить! Какая трагедия жизни - насилие, принуждение, ненависть! Господи! Как же это? Оказывается, не только от любви рождаются красивые дети, но и от насилия тоже. Ещё не видя своей сестры, Каролина возненавидела её. Возненавидела за то, что она, хотя и не по своей воле, явилась плодом унижения, мук и бессилия её самой лучшей мамы на свете. С ещё большей силой вспыхнуло в ней желание отыскать, освободить, вернуть свою любимую маму. И отомстить! Да, отомстить за все годы её мучительного заключения. Она войдёт в этот дом, она зажмёт горло своей гордости, она будет делать всё, что сможет помочь в достижении поставленной цели. Главное - не выдать знание языка и обычаев. Если верить шофёру, то ей уже

известно местопребывание мамы.

А теперь, как бы ни относилась она к сестре, для успеха дела нужно завоевать её расположение. Может быть, тогда можно будет раскрыть ей правду?

Но для этого сначала нужно узнать, прочувствовать характер этой девушки.

Неужели гены не оставили в душе незнакомой ей сестры ни следа от славянской природы - доброты, сострадания, бунта против несправедливости? Нет, это невозможно!

Неожиданно пустыня отступила, и появился райский уголок с оазисами, пышной, хотя и низкорослой зеленью. Это и были владения Сулеймана. Проехав с полкилометра по живописному селению, машина подкатила к огромному дому, огороженному каменным забором двухметровой высоты. Позже Каролина хорошо изучила этот дом. Точно такой же замок-гарем описал Пушкин в своём "Бахчисарайском фонтане". Он представлял собой замкнутый прямоугольник и имел два этажа. С внутренних углов спускались лестницы, ведущие к центру площади-майдана. Этот майдан исполнял много функций: здесь все встречались, когда шли по воду, здесь находились разного рода мастерские, сюда выходили комнаты первого этажа, где готовилась еда, где женщины рукодельничали, а также комнаты прислуги и их семей. Гарем был расположен на втором этаже. При этом были чётко разделены комнаты, принадлежащие законным жёнам господина и принадлежащие наложницам. Самые главные и большие комнаты второго этажа занимал сам Сулейман.

Машина остановилась, и шофёр с подобострастием распахнул дверцу, приглашая девушку выйти. Даже попытался поддержать её под руку, но она резко её отдернула. Её обступили женщины. Удивительно, но все были с открытыми лицами. Осматривали её, как статую в музее, тихо переговариваясь между собой:

- Ты только посмотри, наш Сулейманчик никогда не состарится. Снова отхватил себе молоденькую, да ещё и золотоволосую.

- О, великий Аллах! Ты только присмотришь! Ну, вылитая мать нашей молодой госпожи! Вот так сюрприз господину, вот так сюрприз.

- Ну, бабы, хватит вам языки чесать, за работу. А ты, красавица севера, иди за мной и предстань перед очами нашего господина, дай Аллах ему много лет жизни и здоровья.

Каролина всё время делала вид, что ничего не понимает. Лицо её выражало страх и беспомощность. Как загнанный зверёк оглядывалась она по сторонам, при этом всё фиксируя в памяти. Мужчина, прогнавший женщин, жестами велел следовать за ним, и она покорно пошла. Поднялись на второй этаж, через балкон вошли в центральные двери и, пройдя довольно узкую комнату, очутились в огромном зале с бесчисленным количеством ковров. На возвышении лежало его величество - толстый лысый старый человек с жирным обвислым, как бульдожья морда, лицом. Каролина невольно вздрогнула. Слуга поклонился и молча вышел. Господин, возлежавший на ложе, стал медленно подниматься, видимо, желая приветствовать гостью стоя. Он так тяжело кряхтел, приводя своё разжиревшее тело в вертикальное положение, что девушка рассмеялась и по-английски спросила:

- Простите, может, Вам помочь?

- Благодарю, моя северная роза, я ещё не нуждаюсь в помощи, особенно, если речь идёт о ложе. Просто не ожидал увидеть тебя в эту пору. Думал, что Докару понадобится больше времени, чтобы свет твоей красоты озарил мой дом. Вижу, ты не лишена чувства юмора, надеюсь, скоро освоишься со своей новой ролью в этом доме, - довольно сносно ответил он по-английски.

- Не знаю, какая роль мне предназначена, но могу сказать, что являюсь гражданкой Великобритании и не позволю, чтобы мною кто бы то ни было распоряжался.

- Моя милая ласточка, кем бы ты ни была, переступив порог моего дома, ты стала принадлежать только мне, как, между прочим, всё и все здесь. Ни одна душа не узнает тайны твоего исчезновения. А чтобы облегчить начало твоей новой жизни, я на целую неделю оставлю тебе Коран на английском языке. Когда ты изучишь все принципы Ислама, покорность придёт к тебе сама. Ну, а если дух

твой окажется сильнее воли Аллаха, тогда жизнь твоя ничего не будет стоить ... Не смотри на меня так, это только внешняя оболочка создаёт впечатление беспомощности и старости. Но как только я захочу, Аллах вселяет в меня силу, и ещё не один молодец может позавидовать старому Сулейману. У тебя будет время убедиться в этом. Если не будешь строптивой и примешь главный принцип Ислама, то увидишь, на что способна любовь такого мужчины, как я." А теперь иди, женщины помогут тебе и покажут твою комнату. Никто из них не знает языков, кроме фарси, поэтому, когда пожелаешь увидеть меня, скажи только: "Мой господин". Иди, и пусть Аллах наставит тебя на путь истинный.

Ожидавшие за дверями женщины молча проводили её в комнату, одна из них протянула листок бумаги с написанным по-английски распорядком на сегодняшний день. Каролина осталась одна, села на кровать. Внезапно страх охватил её душу. А что, если этот дом станет для неё пожизненной тюрьмой, как для её матери? Вдруг она не сумеет отсюда вырваться? Как уберечься от приставаний этого старого мерзкого развратника? А где же его красавица дочь? Не было заметно никаких признаков её присутствия.

Открыла Коран, почти все догмы и заветы она знала наизусть. Мысли начали путаться, но чувство голода не дало задремать. Посмотрела в расписание, узнать, когда же обед, и в это время в дверь постучали. Те же две женщины провели её в другую комнату, судя по обстановке, служащую столовой. Еда, как ни странно, ей очень понравилась. После того, как она знаками показала, что сыта, женщины провели её назад. К её удивлению, в двери торчал ключ, и она этим воспользовалась. Закрылась и решила уснуть - напряжение последних часов давало себя знать навалившейся усталостью.

Проснулась Каролина от осторожного стука в дверь. Открыв, увидела прежних женщин с корзинами, наполненными полотенцами и шампунями. Поняла, что приглашают в баню. Баня была потрясающая. Огромная, похожая на бассейн, ванна, в меру горячая вода, благоухающая чудесными ароматами. Женщины не позволили ей мыться самой. Удивительно, но страх совершенно

исчез. Вместо него появилось чувство необъяснимого блаженства. Стало спокойно, приятно и даже радостно. Невольно она рассмеялась, женщины тоже. Спросила, делая вид, что с трудом подбирает слова, намеренно коверкая их:

- Где я? Кто вы?

Женщины снова рассмеялись и наперебой стали говорить, что она - золотая розочка - новая наложница их господина, Сулеймана, находится в самом сердце османа, принадлежащего ему, что сами они его законные жёны, но есть ещё и наложницы, как, например, она, золотоволосая красавица. А вообще - это огромное счастье быть так близко от своего господина, самого доброго, богатого и могучего. И если она, их новая подруга, которую они уже очень любят, будет почитать великого Аллаха и их господина, то доброта и ласка Аллаха и их господина не будет знать границ, принесёт всем радость, и так далее, и так далее. Каролина с изумлением смотрела то на одну, то на другую, делая вид, что ничего не понимает, но, вместе с тем, решила им показать, что ей здесь очень приятно и, если уж судьба решила за неё, то она постарается быть послушной и милой. Знала, что каждое её слово, каждый жест дойдут до старого, противного, так уверенного в себе изверга. Для неё он всегда останется извергом, использующим в наш двадцатый век деньги и власть для своего животного удовлетворения, не считаясь ни с мнениями других, ни с законами как своей страны, так и других стран. Властелин, живущий в позапрошлом веке, превращающий всех, от него зависимых, в своих рабов.

А как понять психологию этих безропотных созданий? Чему они радуются?

Почему не бунтуют, не восстают против диких обычаев, унижающих человеческое достоинство? Почему?! Да потому, что этот народ столетиями воспитывался в беспрекословном повиновении, поклонении самому справедливому и могущественному Аллаху, требующему от них так мало - всего лишь покорности. Но именно покорности нет в душе Каролины, как не было и у Беаты, её матери. Именно этой покорности не смог добиться от неё ничтожный Сулейман, но хочет сейчас добиться от Каролины. Нет, она не станет покорной и

сделает всё, чтобы отомстить похотливому старику.

У девушки ещё не сложился определённый план действий, но она твёрдо поняла одно, уничтожить его, найти мать и вместе с ней вернуться на родину можно только одним способом - покорностью~ Да! Оружием против покорности должна стать сама покорность! Играть. Играть роль испуганной, загубленной овечки, после прочтения Корана преобразившейся и увидевшей мир другими глазами.

Всё ещё лёжа в благоухающей воде роскошной ванны и отдаваясь нежным рукам этих милых забитых женщин, умело и с неподдельной заботой делавшим массаж, Каролина пришла к своему решению:

- Я здесь нравиться. Я хотеть язык учить. Я хотеть что-то делать, - путая английские и арабские слова, запинаясь произнесла она.

Женщины поняли и обрадованно защебетали:

- Мы тоже счастливы, ханум, что тебе у нас понравилось. Мы твои слуги день и ночь, так нам велел наш любимый господин.

Прошла неделя. Дни повторялись в своём однообразии, Сулейман не тревожил её. Англо-арабский разговорник и словарь она получила на второй день после разговора в бане. Каждый день приносили новое платье, бельё, обувь. Одежда была роскошной, яркой, красочной, торжественной. На вопрос, почему она не может, как остальные, носить чёрное платье, ей ответили, что в чёрном она будет ходить позже, когда станет членом семьи. А сейчас она ещё гостя.

Сегодня заметила изменения в поведении обитателей дома. Все суетились, мужчины приводили в порядок и без того чистый майдан, женщины надели праздничные наряды и украшения, из кухни доносились необыкновенные запахи.

- Что случилось? - спросила Каролина.

- Как что? Приезжает наша любимая золотоволосая госпожа.

Сердце дрогнуло. Сегодня, наконец, она увидит свою сестру. Вот кто ей нужен - сообщница. Боже! Как нужно быть осторожной! Ни под каким видом не показать своей заинтересованности, не выдать своего происхождения. Ни на

минуту не забывать, что эта девушка только внешне может быть похожа на мать, её внутренний мир, её восприятие, культура, вера, привычки - могут оказаться полной противоположностью. Сначала нужно прочувствовать её характер, постараться вызвать симпатию, а там уж обстоятельства покажут. Счастье, что она учится в английской школе - шаг к пониманию. Четырнадцать лет. На Востоке в эти годы девушки уже мыслят по-взрослому.

- Мама, моя дорогая, любимая, я уже на дороге к тебе. Потерпи ещё немного, моя страдальца. Верю, что найду тебя, - сдерживая слёзы, шептала Каролина. Но вот шикарный открытый "Мерседес" въехал в ворота и остановился посреди майдана. Длинноногая белокурая девушка в светлом платье из тончайшего шёлка, прикрывая одной рукой лицо прозрачным покрывалом, поднялась и встала на сиденье. На мгновение всё замерло. Резким движением отбросила она покрывало, открыв очаровательное личико (Каролина вздрогнула - именно такой запомнила она маму), и по-арабски со смехом произнесла:

- Приветствуйте меня в моём родном и любимом доме! Наконец Аллах привёл меня в этот сад счастья и покоя.

Раздались приветственные возгласы и причитания женщин, многие плакали от радости. Отовсюду слышалось:

- Добро пожаловать!

- Пусть Аллах одарит тебя счастьем!

- Будь всегда под покровительством Аллаха, наша неповторимая красавица, солнце Востока!

Комок подступил к горлу Каролины, она боялась не выдержать. И тут взгляд девушки упал на неё. Брови гневно сдвинулись, глаза сверкнули:

- Кто это?

- Моя последняя потеха, дитя моё, последняя, - произнёс старик заискивающи тоном. - Я тебе всё объясню. Пойдём со мной, моё бесценное сокровище, пойдём со мной.

Бросив на Каролину откровенно ненавидящий взгляд, она подбежала к отцу.

Сулейман поблагодарил всех за радушную встречу дочери, приказал продолжать работу и удалился с девушкой к себе.

Каролина продолжала неподвижно стоять на балконе. Она ждала этой встречи, но не могла себе представить, что в этой девушке может быть столько ненависти. "Она приревновала меня к отцу. Боится конкуренции, хочет сама властвовать над ним".

И, вместе с тем, она увидела слабость старика, его уязвимое место. Дочь - самая большая его драгоценность.

Ты отобрал у меня самое дорогое, теперь моя очередь забрать твоё. И я это сделаю. Ещё не знаю, как, но будь уверен, я этого добьюсь, чего бы мне ни стоило - унижения, притворства, лжи. Я ненавижу ложь, но эта ложь будет во имя Справедливости.

После родительских приветствий Сулейман попросил слуг оставить его наедине с дочерью. С благоговением глядя на неё, он взял её руки в свои и вдруг." слёзы покатались по морщинистым щекам. Он расплакался, как малое дитя. Зубейда сидела молча, по-прежнему сдвинув брови. Ждала, что он ей скажет. Наконец, он успокоился:

- Солнышко моё неповторимое, счастье моё единственное, ты знаешь, как я люблю тебя. Всё, чего твоя душенька пожелает - всё исполню. Ты моя единственная отрада в этой жизни. Не гневайся, мой ангел золотоволосый, позволь старику последнюю маленькую прихоть. Как увидел я эту девушку, меня как молнией поразило. Так она похожа на твою мать, как будто вышли из одного лона. А мать твоя, красавица северная, была необыкновенно хороша, правда, характер имела строптивый, непокорный, не хотела принять Ислам. Мать твоя молочная, Кудья, наверно, говорила тебе - не раз хотела убить меня, и если бы не внимательность слуг ... Коварная была женщина ... Но я любил её. Любил страстно, несмотря на её ненависть. Это было какое-то наваждение. Только о ней и мог думать ... Но Аллах справедлив! Взамен моих мучений подарил мне тебя - плод

моей неразделённой любви. А её он забрал к себе. Может быть, там, на небе, её непокорная душа нашла покой ... Дитя моё, эту белокурую наложницу послал мне сам Аллах, чтобы перед концом земной жизни дать мне возможность испытать то, что я испытывал к твоей матери. Разреши же, свет моих очей, своему старому отцу такую малость! И не бойся, я ведь, действительно, уже стар и не имею сил ошастливить женщину, подарив ей дитя. Поздно. Не станет эта наложница матерью. Никто не займёт твоё место в моём сердце ... А зато сколько покорности и тепла увидел я в глазах этой девушки... Мне бы хотелось, чтобы ты подружилась с ней. Она не знает нашего языка, поэтому ей может быть здесь скучно и одиноко. Приблизь её к себе.

- Нет! Никогда в жизни!

- Почему ты так жестока?

- Эта женщина явилась сюда уничтожить тебя, отобрать наше счастье. И пока она будет находиться в твоём доме, мы не будем иметь покоя.

- Дочка, зачем ты так говоришь?

- Отец, увидишь, сколько горя и несчастий обрушится на наш дом из-за неё. Я это чувствую.

- Ты ошибаешься, моё сокровище. Ну, а теперь иди, тебе надо отдохнуть после дальней дороги.

Зубейда вышла, всё ещё негодюя спустилась во двор, спросила у слуг, где её молочная мать? Кудья души не чаяла в своей маленькой госпоже, только с ней могла девушка поговорить откровенно. Постучав, зашла в комнату. Ещё довольно молодая женщина проворно вскочила, поклонилась, пригласила сесть.

- Пусть Аллах благословит твой дом и даст тебе счастья, Зубейда!

- Благодарю тебя, Кудья, но видишь, Аллах в последнее время не очень благосклонен, если разрешил войти в дом этой белокурой ведьме. Боюсь, что счастье наше под угрозой.

- Я то же самое подумала, как только её увидела. Вспомнила все муки нашего господина, когда пятнадцать лет назад в этот дом вошла твоя мать.

- Что делать, Кудья?

- Надо бы что-нибудь придумать, ты ведь знаешь, я мастер на это. Будем молиться Аллаху, он поможет нам освободиться от этой бестии. А теперь иди отдохни, ванна готова.

Прошло два дня после приезда сестры, но Каролина, как ни старалась, не могла ни увидеть её, ни что-либо о ней услышать. В доме всё стало как-то иначе, таинственной. Женщины, даже между собой, ни слова не говорили о молодой госпоже. Чувствовалась тайна. Но почему? И в чём она заключалась?

Почему хозяин ничем не беспокоит Каролину? Даже непонятно, дома ли он? Конечно, это ей на руку, но ведь не для этого же её украли.

Но вот на третий день она получила записку: "Белокурая госпожа, если Вы ничего не имеете против сегодня после полудня посетить меня, немного отвлечься и выпить хорошего чая, то жду Вас у себя. Все говорят, что я неплохо владею английским, думаю, смогу Вам быть полезной. К Вашим услугам, Зубейда, дочь Сулеймана".

Да, нечего сказать, записка, даже по европейским меркам, написана довольно сухо, а уж для восточной девушки, совсем сурово, даже недоброжелательно. Но это мало задело Каролину. Главное - наконец, долгожданная встреча. Как изменить неприязненное отношение девушки? Чем тронуть её сердце? Как найти к нему дорогу?

К полудню она была уже готова. Специально надела своё платье, что было на ней при похищении, желая показать этим, что не горит желанием остаться в этом доме. С самого начала она поняла, что Зубейда хочет здесь царствовать одна, и любая красивая женщина, способная по её мнению, отобрать хоть крохотный кусочек власти или внимания, возбуждает в ней ревность и злость.

Раздался стук в дверь. Две женщины, её верные помощницы-служанки, улыбаясь пригласили следовать за ними. Комнаты Зубейды располагались в другом конце этажа, рядом с отцовской половиной. Одна из женщин потянула за шнурок, зазвенели звоночки, открылись двери. Через небольшой коридорчик

прошли в огромную, сверкающую многочисленными зеркалами комнату. Как и у отца - множество ковров, но сразу видно, что тут живёт ещё ребёнок. Такого количества удивительно разнообразных кукол Каролине ещё не приходилось видеть в одном месте. Бросалось в глаза, что большинство кукол были со светлыми волосами. На низком диване сидела дочь Сулеймана в национальном платье из тончайшего шифона бирюзового цвета, прикрывая часть лица такой же бирюзовой шалью. Девушка была очень хорошо сложена и выглядела старше четырнадцати лет.

- Добрый день, госпожа, прости, не знаю твоего имени.

- Меня зовут Элизабет, но можешь называть Лизой, так проще.

- Пожалуйста, присядь, Лиза, - холодно произнесла Зубейда. - Отец уже говорил мне о тебе и просил, если необходимо, помочь тебе.

- Спасибо. Я очень рада. Мне здесь так тоскливо и одиноко. Никто меня не понимает.

- Вот и отлично. Можешь всё рассказывать мне, а я постараюсь тебе помочь, в чём смогу. Не обращай внимания на этих женщин, кроме меня и отца в этом доме никто не знает английского, да и я ещё не очень хорошо им владею.

- Могу сделать комплимент. Ты отлично говоришь по-английски. Пару лет практики в Англии, и никто не отличит тебя от англичанки.

- Действительно? Рада это слышать от настоящей англичанки. Я не ошибаюсь, ты англичанка?

- Да, конечно, из самого Лондона.

- Расскажи мне о себе, - и тут же по-арабски обратилась к женщинам: -

Принесите столы с угощением, - и снова по-английски: - Кто твои родители?

- У меня их нет. Мама погибла, когда мне было десять лет, а отец умер пять лет назад - сердце. Осталась только бабушка. Но у меня есть семья, - тут Каролина решила солгать, в надежде на мягкость сердца Зубейды, - муж, которого я очень люблю, и доченька, с такими же золотыми волосами и прекрасными тёмно-зелёными глазами, как у тебя.

- У тебя есть дочь? - как-то испуганно воскликнула девушка. - И сколько же ей лет?

- Три года.

- Три года ... Кудея, - обратилась она к сидящей возле неё женщине, - ты знаешь, у этой белокурой есть трёхлетняя дочь и муж. Я должна помочь ей вырваться от отца, понимаешь? И наш дом освободится от неё.

- Дитя моё, твоё сердце должно быть твёрдым. Не поддавайся жалостливым словам. Если господин, твой отец, да продлит Аллах его дни, решил оставить её здесь, то никакая сила не изменит его решения. Я уже знаю, как избавиться от этой бестии.

- Лиза, Кудея - моя кормилица. Мама умерла на другой же день после моего рождения, и эта замечательная женщина выкормила меня своей грудью. Я для неё больше, чем госпожа, даже больше, чем дочь." А ты бы не хотела остаться здесь?

- Ни за что на свете! Я вижу, тут очень хорошие люди, но пойми меня, Зубейда, я ведь мать, в Англии мои любимые муж и дитя, без которых я не мыслю своей жизни. Я чувствую в тебе доброе сердце, способное к состраданию, помоги мне вернуться домой. Ведь в тебе тоже течёт английская кровь? Помоги мне!"

- Во мне течёт только кровь моего народа, кровь моего отца, - резко прервала та Каролину. - А мать моя была полькой, хотя, по словам отца, отлично владела английским ... Но я помогу тебе, а ты постарайся беспрекословно исполнять всё, о чем бы я ни попросила.

- Хорошо. Как я благодарна судьбе, что в такой тяжёлый момент она послала мне тебя. Спасибо.

- Ещё рано меня благодарить. А теперь, пожалуйста, попробуй нашего скромного угощения, что послал нам великий Аллах. Приятного аппетита.

Приступили к трапезе. Тишину снова нарушила Зубейда:

- А как тебе нравятся мои куклы? У меня целая коллекция, одна из лучших в стране. Некоторые из них стоят больше десяти тысяч долларов.

- Действительно, такого я ещё в своей жизни не видела, - с нескрываемым восхищением призналась Каролина. - А вот эта, маленькая, как ангелочек, и так

похожа на мою Каролинку.

- Твою дочь зовут Каролиной? Так же, как ирландскую принцессу из фильма.

Её играла Грета Гарбо ... Если тебе она нравится - возьми. Я дарю её тебе.

- Спасибо.

Отведав разных восточных сладостей, Каролина поблагодарила за угощение, попрощалась и вышла, как всегда, в сопровождении двух женщин, терпеливо ожидавших её за дверьми. В своей комнате закрылась, легла отдохнуть, а в мозгу звучали слова Кудеи: "Я уже придумала, как избавиться от этой бестии".

Интересно, что она придумала? Надо быть очень осторожной, закрываться на ключ и постараться вообще не бывать с ней рядом. В голове проносились различные возможности, которыми может воспользоваться такая коварная женщина. Не иначе, это она подсунула Сулейману план избавления от мамы. Какое счастье, что Каролина знает арабский язык.

На другой день, через пару часов после обеда вдруг началось головокружение, знобило, к горлу подкатывала тошнота. Так вот каким способом решили от неё избавиться. Попросила женщин принести побольше свежей воды, но, уже поднося стакан к губам, подумала, что и вода может быть отравленной. Решила, несмотря на слабость, спуститься к колодцу сама. Прочистив желудок Каролина почувствовала облегчение и сказала себе, что к еде больше не притронется, а воду будет брать из колодца сама. И действительно, два дня она отказывалась от еды, один только запах которой мог довести голодного человека до сумасшествия. Но она была тверда.

Старому Сулейману, конечно, доложили, и он сам пришёл к ней, узнать, что случилось, чем вызвана эта голодовка? Каролина не стала скрывать своих опасений, на что старик обиженно ответил, что она не должна оскорблять его дом, что в тот день отравилось несколько человек, даже пришлось обратиться к врачу. Тот сказал, что это лёгкое отравление, ничего страшного, инфекция могла быть занесена грызунами. Если бы она сказала сразу, врач осмотрел бы и её. А чтобы отныне она была совсем спокойна, с сегодняшнего дня обе приставленные к ней

женщины будут кушать вместе с ней, и она может заменять тарелки после того, как они попробуют пищу. Извинившись за случившееся и сообщив, что повара уже наказаны, он, пожелав ей быстрого выздоровления, ушёл.

Каролина стала поступать по совету Сулеймана. Женщины понимали её страхи и не возражали против манипуляций с тарелками. Но воду всё равно приносила сама, объясняя это своей прихотью.

Однако, несмотря на все предосторожности, через два дня всё повторилось, причём, чувствовала она себя намного хуже. Каким же образом проникает яд? Все блюда она проверяет при помощи женщин, кроме них в комнату никто не входил. Попросила вынести все цветы и благовония, проветрить комнату, но лучше не стало. Состояние явно ухудшалось. Сказала женщинам, то ей срочно надо поговорить с молодой госпожой. Та не замедлила прийти и сразу встревоженно спросила:

- Что с тобой, Лиза? На тебе лица нет. Ты, наверное, заболела?

- Да, я больна. Я знаю, чувствую, что со мной что-то делают, хотят от меня избавиться. Я прошу тебя, Зубейда, во имя моей дочурки, во имя человечности, помоги мне вырваться отсюда! Я хочу жить, видеть свою семью, а здесь." Здесь я скоро умру. Я знаю ...

- Кудея! - громко позвала девушка.

Дверь сразу же отворилась, и в комнату вошла её кормилица.

- Кудея, надо помочь Лизе. Я знаю - это твоих рук дело, и только ты знаешь, как спасти её.

- Я не буду ничего делать. Эта бестия должна исчезнуть отсюда. Исчезнуть из жизни. Если она освободится из нашего дома, она может наделать нам много зла.

- Да, понимаю, но мне её жаль, у неё же маленький ребёнок.

- Ты не должна впускать в своё сердце чувство жалости к этой неверной! И ещё. Ты разве забыла, что сегодня наш господин, а твой отец, устраивает торжество в честь европейцев, что уже целую неделю ковыряют нашу землю.

Надо, чтобы эта бестия не попалась им на глаза, а ты хочешь, чтобы она выздоровела.

- Ну, хорошо, хорошо. Ты лучше посмотри, как она выглядит, даже с постели не в состоянии подняться". Ладно, иди уж.

Зубейда продолжала по-английски:

- Кудея сказала, сделает всё, чтобы помочь тебе. А вообще надо пить больше чая без сахара и несколько дней не вставать с постели. Не бойся, ничего страшного с тобой не случится. Читай Коран и постарайся не думать о неприятном. - Подойдя попрощаться, даже поцеловала.

Так. Теперь всё ясно. Эта ведьма - Кудея, действительно, её травит. Но чем и как? ... И ещё новость - вечером будут какие-то европейцы, скорее всего геологи. Что они ищут, нефть, минералы, воду? Как сделать, чтобы они узнали о её существовании здесь? Решила написать несколько записок и отдохнуть, восстановить силы к вечеру.

Уже с утра в доме царила суета - готовились к приёму гостей. Ближе к вечеру во дворе установили множество столов, на больших блюдах возвышались горы сладостей и фруктов, стояли красивые кувшины с различными прохладительными напитками. Мусульманам запрещается пить вино, поэтому здесь делают специальные настои на травах, вызывающие хорошее настроение, чувство удовлетворения, спокойствия.

Гостей было человек пятнадцать, среди них две девушки, одетые в лёгкие шёлковые блузки и шаровары. Их шумно приветствовали женщины, нарядно одетые, как при встрече хозяйки, и прикрывающие лица шёлковыми покрывалами. Несколько музыкантов-мужчин исполняли восточные мелодии. Атмосфера была дружеской и непринуждённой. То там, то тут вспыхивал смех, тягучая нежная музыка, яркие платья женщин создавали в подступавших сумерках впечатление таинственности, словно в волшебной сказке.

Судейман сидел во главе стола и с удовольствием выслушивал от гостей

похвалы его дому и гостеприимству. Как хороший режиссёр выжидал момент, когда можно будет позвать дочь, чтобы вызвать у гостей наибольший восторг и восхищение её красотой. Пока ещё такой момент не наступил.

Каролина лежала в своей комнате, обессиленная и беспомощная. В комнату доносилась музыка и смех гостей, у неё было приготовлено несколько десятков записок и она понимала, что другой возможности дать знать о себе может и не представиться. Но не было никаких сил подняться. Уже больше часа продолжалось пиршество. Наконец, Каролина решилась - сейчас или никогда. Собрала все свои силы, в светлой ночной рубашке и с распущенными волосами, она выскочила на балкон и бросила через решётку зажатые в руке записки с криком:

- Спасите! Меня украли и хотят убить! Спасите, умоляю!

Растерявшиеся в первый момент охранницы тянули её назад, у неё не было сил сопротивляться, уже теряя сознание, сама не зная почему, она повторила свой крик по-польски:

- Спасите! Спасите! Боже, помоги мне!

От неожиданности все смолкли, даже музыканты прекратили играть. Все лица повернулись к балкону, но там уже никого не было.

Первым пришёл в себя Сулейман. Закричал музыкантам, чтобы громко играли, а женщинам приказал собрать бумажки, добавив, что ни одна не должна попасть в руки гостей. Снова раздалась громкая музыка, а женщины засуетились, собирая разлетевшиеся листки.

До многих из оторопевших гостей не дошли слова девушки, и они зашептались, переспрашивая друг друга. Один из них, увидев у своих ног бумажку, наступил на неё, а позже незаметно спрятал в карман ...

- Ганс, мне показалось, что белокурая девушка на балконе просила о помощи.

- Ты не ошибся, Тадеуш, я тоже ясно слышал слова "Спасите, меня хотят убить".

- Да, да. И ещё, не знаю, может мне послышалось, но по-моему она крикнула

по-польски: "Спасите ради Бога, умоляю!"

Сулейман прислушивался к разговорам гостей, мучительно ища выход из сложившейся ситуации. Негромко позвал:

- Кудея! - Та молча подошла. - Немедленно пойдя к Зубейде, скажи, чтобы оделась в белое, распустила волосы и вышла. Объясни, что случилось и как себя вести. Поняла?

- Да, мой господин. Слушаюсь, мой господин. - Кудея незаметно исчезла
Сулейман неожиданно рассмеялся и произнёс:

- Ну что, дорогие гости, произвела эта сцена на вас впечатление? Не буду ничего комментировать. Разгадка сейчас предстанет перед вами.

Через несколько минут на том месте, где недавно была Каролина, появилась Зубейда в длинном белом платье и с распущенными волосами. Отец первым увидел её и указал рукой:

- Дорогие гости, вот моё чудо, вот моё сокровище. Спустись к нам, любимая дочь моя, все ждут тебя с нетерпением.

Как и ожидал старый Сулейман, появление девушки вызвало нескрываемый восторг.

- Это моё счастье, мой единственный неоценимый клад, моя дочь - Зубейда.

А теперь, солнышко моё, объясни нам, что это было?

- Тебе понравилось? Это была репетиция роли из спектакля, что мы ставим в колледже. А как вам, дорогие гости, понравилось?

Тадеуш восхищённо, но, вместе с тем, с недоумением смотрел на девушку:

- Так это Вы репетировали?

- Да. Ну и как?

- Если это так, то - гениально! Сколько эмоций, трагизма, искренности и правды. Из вас может выйти потрясающая актриса.

- Ах, баловство! - вмешался хозяин. - Не надо внушать такие мысли молодой девушке. Это у вас, в Европе, слово "актриса" может вызывать восхищение. У нас, да будет Вам известно, такое слово в приличных домах даже не произносится.

- Простите, я хотел сделать комплимент, а получилось так нелепо ... - Тадеуш не сводил восторженного взгляда с девушки, чувствовал, что безнадежно влюбляется. - Вы так прекрасны и так талантливы... Можно задать Вам один вопрос? Хотя, вероятно, это только плод моей фантазии". Вы знаете польский?

- Нет, конечно. А почему Вы спрашиваете?

- Нет, нет, мне просто послышалось ...

Ганс с любопытством смотрел на своего друга и немного завидовал.

Высокий, стройный, красивый парень, не лишённый чувства юмора - он нравился женщинам. Ганс вздохнул - природа, к сожалению, не наградила его такими качествами.

- Что это ты так тяжело вздыхаешь?

- Завидую тебе. Вот и сейчас соблазняешь единственное сокровище нашего хозяина.

- Простите, а что означает слово "соблазняешь"?

Два друга рассмеялись:

- Извините за нескромный вопрос, сколько Вам лет?

- Пятнадцать

- Пятнадцать?! - невольно вырвалось у Тадеуша. - Господи, а я-то подумал, лет около двадцати.

- Видишь, на этот раз тебе не повезло, - пошутил Ганс.

- Да ... пятнадцать". Вы же совсем ребёнок.

- Я далеко не ребёнок, - резко возразила она.

- Извините, я не хотел Вас обидеть, просто, по сравнению со мной, Вы, действительно, ребёнок, почти в два раза моложе.

- Так Вы уже такой старый?

- Вот видите, мы с вами уже квиты.

- Не поняла, что такое "квиты"?

- Так говорят, когда кто-то кому-то оплатит тем же, как, например, я Вас назвал ребёнком, а Вы меня стариком.

Все рассмеялись.

"Странно, - думал Тадеуш, - пятнадцатилетняя девушка не может разыграть такую глубоко трагичную сцену, да и голос был, как будто, другой. Бросил взгляд наверх, - А почему эти две женщины сидят у дверей и не спускаются вниз, как в карауле? И эти польские слова ... Я их отлично слышал. Здесь какая-то тайна. Но какая?"

Пришло время расставаться. Гостеприимный хозяин сказал, что двери его дома всегда открыты для таких прекрасных и доброжелательных новых друзей, пожелал им всяческих успехов в работе, выразил надежду, что она принесёт процветание всему краю. Выразив ответную благодарность так же многословно и витиевато, довольные проведённым вечером, гости отправились в свой палаточный лагерь.

Сон не шёл к Тадеушу, сотни мыслей роились в голове, вопросы без ответов. Непонятно было поведение Зубейды, неестественное для пятнадцатилетней девушки, да и отец её вёл себя странно. И эти две женщины, не покидающие своего поста на балконе. И мольба по-польски о помощи не могла ему померещиться". Жаль, что ни одна записка не попала в его руки.

- Ганс, - обратился он к другу, с которым делил палатку, - знаешь, не выходит у меня из головы эта сцена на балконе. Здесь есть какая-то тайна.

- Ах, я совсем забыл, мне ведь удалось заполучить одну из бумажек, брошенных с балкона. Минутку, она должна быть в кармане брюк ... Вот и она: "Помогите. Меня украли. Боюсь, что хотят убить. Каролинка."

Тадеуш вырвал из рук друга записку и несколько раз её перечитал. Затем возбуждённо воскликнул:

- Ганс, дорогой, я не ошибся, это полька! Видишь, всё правильно по-английски, а "каролинка" написано с маленькой буквы.

- Я не понимаю этого слова.

- Это распространённое польское имя. Она, видимо, специально подписалась уменьшительно и с маленькой буквы, чтобы ввести своих тюремщиков в

заблуждение, если записка попадёт им в руки.

- Слушай, Тадеуш. Наши девушки сделали несколько моментальных снимков с дочкой хозяина я видел, как она им что-то подписывала. Надо сравнить почерк.

- Спасибо, ты гениальный сыщик, - Тадеуш выскочил из палатки и, подбежав к одной из соседних, тихо позвал:

- Девушки-красавицы, вы случайно не спите?

- Спим, а что ты хотел, - раздался сонный голос.

- Простите, что тревожу. Эта история на балконе ... Ганс сказал, что у вас есть фотографии с подписью Зубейды. Не могли бы вы дать их мне на пару минут?

- Сейчас, - недовольно ответили изнутри. Через минуту полог палатки отодвинулся, и женская рука протянула тонкую пачку фотографий.

- Принесёшь завтра, мы спать хотим.

- Спасибо большое, ещё раз извините.

В палатке включили вторую лампу и стали сравнивать почерки. Не надо было быть экспертом, чтобы убедиться, что почерки совершенно разные. Теперь Тадеуш был уверен, что в доме действительно находится его похищенная соотечественница, и что ей грозит опасность. Надо что-то делать, и немедленно! С самого утра связался с посольством. Нет, за последнее время никаких сведений об исчезновении девушек не поступало... Хотя... консул знает одну девушку по имени Каролина. Она, несмотря на молодость, одна из лучших специалистов министерства по арабским языкам. Недавно получила отпуск и приехала в Тегеран. Но где она сейчас, в посольстве неизвестно.

- Высокая красивая блондинка с длинными золотистыми волосами?

- Совершенно верно. Это она.

- Мы вчера вечером всей группой были в гостях у Сулеймана, и там произошла странная история ... Но я об этом позже расскажу. Спасибо, до свидания, - и он повесил трубку.

Его уверенность окрепла. Девяносто девять из ста, что девушка, просившая помощи, та самая Каролина. И ещё в нём росла уверенность, что это не просто

похищение. Есть ещё какая-то тайна. В арабском доме сразу две девушки блондинки, так похожие между собой, да к тому же одна из них дочь хозяина ...

Безусловно, за этим кроется что-то очень таинственное. Вспомнил лицо Зубейды.

Странно, он не мог отделаться от впечатления, что уже где-то его видел. Но где?

Когда? ... Однако, сейчас не время предаваться воспоминаниям. Надо спасать

Каролину не откладывая.

- Ганс, я не могу обойтись без твоей помощи. У тебя есть несколько местных рабочих, жёны которых работают у Сулеймана. Мне надо бы поговорить с кем-то из них.

- Это нетрудно. Сейчас позову одного, очень симпатичный парень, зовут его Саид, - вернулся с высоким молодым арабом. - Поговори с ним, ты ведь прилично знаешь фарси.

- Друг! - начал Тадеуш. - Называю тебя так, потому что хочу, чтобы ты стал моим другом. У меня огромное несчастье и, если в твоём сердце есть место для добра, то ты мне поможешь ... Твоя жена работает у Сулеймана?

- Да, мой господин, лишняя копейка в доме не мешает.

- Если ты мне поможешь, я заплачу так, что ей уже не надо будет у него работать. Послушай меня внимательно. Недавно для Сулеймана украли девушку - золотоволосую красавицу. Он хочет сделать её своей наложницей. Это моя сестра. Я получил известие, что с ней происходит что-то страшное, она боится, что её могут убить, просит помощи. Что ты знаешь об этом?

- Ах, господин мой, боюсь я гнева Сулеймана, он беспощаден к тем, кто становится на его дороге.

- Не бойся, я никогда тебя не выдам, друг мой, ты должен понимать, это не в моих интересах. Помоги мне. Ведь ты тоже не оставил бы свою сестру в беде, не так ли? - с этими словами Тадеуш, как бы случайно, передвинул на столе пачку долларов, до того скрытую стопкой книг.

- Да простит меня Аллах! ... Моя любимая жена Факан рассказывала мне, что недели две назад привезли в гарем белокурую красавицу, и, великий Аллах тому

свидетель, старый Сулейман влюбился в неё, как когда-то в мать Зубейды, золотоволосую ханум. Аллах забрал её душу, когда она подарила старику дочь. Сейчас, как только молодая госпожа увидела её, вся ревность, ненависть к себе подобной вступила в её сердце. Моя жена и все живущие там уверены, что мысль избавиться от девушки подбросила ей Кудья, её кормилица, женщина хитрая и коварная. Говорят, она знает тайну яда, обнаружить который невозможно, и он постепенно уничтожает человека, не оставляя никаких следов. Жена мне сказала, что европейская красавица очень больна.

- Саид, дорогой, ты должен мне помочь. Пусть твоя жена передаст моей сестре записку. Когда я получу ответ, ты получишь эти деньги, - показал он на лежащие на столе доллары. - Открою тебе тайну - моя сестра знает ваш язык, но ни ты, ни твоя жена не должны об этом проговориться. Поверь мне, я вас хорошо отблагодарю и всю жизнь буду обязан.

- Сделаю, как скажешь, мой господин. Да и Сулеймана надо, наконец, проучить, изверга ненасытного.

- Начнём сегодня же. Когда твоя жена уходит на работу?

- В пять пополудни. Она должна приготовить ужин и сделать заготовки для завтрака. К одиннадцати вечера я прихожу за ней к главным воротам, так как не годится женщине идти одной так поздно.

Тадеуш быстро написал записку. Написал по-польски, в полной уверенности, что этого языка здесь никто знать не может: "Карольця! Счастье, что одна из твоих записок попала ко мне. Счастье, что я не поверил ни Сулейману, ни его дочери. Держись! Постарайся ничего не есть и не пить. Женщина, что передаст тебе записку, наш друг. Подумай, не сможешь ли выйти вместе с ней. Буду каждый вечер ждать у главных ворот. Уж извини, чтобы помочь тебе, назвался твоим братом. Твой верный, хотя и незнакомый друг, Тадеуш."

Каролина после вчерашнего вечера чувствовала себя совершенно разбитой.

Она совсем не помнила, что произошло после того как её потащили с балкона, но надеялась, что записки бросила не зря. Вот уже второй день она даже воду не пьёт. Головная боль и тошнота прошли, но оставалась сильная слабость. Очень хотелось есть. Попросила прийти хозяина. Он не заставил себя долго ждать:

- Что же ты, моё золотоволосое дитя, так страдаешь? Не ешь, не пьёшь, неужели и вправду думаешь, что кто-то хочет сотворить тебе зло?

- Да, мой господин, не только думаю, но знаю, что кто-то это делает." У меня к Вам просьба, мой господин, прикажите, чтобы Вам принесли несколько гранатов, свежие куриные яйца и сахар.

- Твои желания - закон, царица моего сердца.

- Пожалуйста, мой господин, велите женщинам при нас выдавить сок из гранатов и растереть желтки с сахаром.

Когда всё было готово, Каролина, стараясь изобразить как можно больше почтительности, снова обратилась к хозяину:

- Я очень Вам благодарна, мой господин". Смею ли я высказать ещё одну просьбу? Мне хотелось бы всегда получать пищу только из рук моего господина, если Вы, конечно, не возражаете. Надеюсь, тогда ко мне снова вернутся силы и здоровье.

- Не возражаю?! Да я просто счастлив, моё сокровище. Вижу, что Коран ты понимаешь правильно. Покорность и ещё раз покорность, и ты будешь счастлива, как никто в этой обители. Прощай, моя северная ласточка.

После еды Каролина почувствовала себя гораздо лучше, но решила не подавать вида и оставаться в постели. Уже стемнело, когда в комнату заглянула незнакомая женщина, бросила ей маленький бумажный комочек и тут же закрыла дверь, успев лишь тихо проговорить:

- Жду ответа.

Это жена Саида начала выполнять просьбу мужа. Поднявшись наверх, она похвасталась женщинам, какой необычайно вкусный ужин получился сегодня и

вызвалась покарать за них, чтобы они спокойно, не торопясь могли покушать. Каролина дрожащими руками развернула листок. Какое счастье! О ней знают! Ей хотят помочь, да ещё и земляк! Назвался братом. Надо быстро написать ответ. Она схватила карандаш и написала по-польски: "Дорогой незнакомый мне брат, спасибо! Готова действовать по твоим указаниям. С надеждой - К."

Приоткрыв дверь, увидела ту же женщину:

- Ханум, моя спасительница, возьми это. Всё сделаю, как ты скажешь.

Факан быстро спрятала записку и так же тихо произнесла:

- Слушай внимательно, золотоволосая ханум. Завтра я приду позже, после десяти, когда почти все спят. Одну из женщин я отвлеку, а другую ты должна пригласить к себе и под каким-нибудь предлогом немного задержать. Не удивляйся, если она сразу же заснёт, я им дам сильное снотворное. Уложи её в свою постель, сними её платье и надень на себя. Ничего не бойся, все будут спать. Я буду ждать тебя, тихонько выйдешь и пойдёшь за мной. А теперь прощай, они уже возвращаются.

Когда подошли женщины, Факан уже сидела на своём месте и делала вид, что дремлет.

- Ну что, отведали?

- Ты - волшебница. Твои блюда понравились бы самому пророку Мухаммеду.

Спасибо. Иди отдыхай. Да продлит твои дни Аллах!

- Да будет благословен Аллах!

Каролина не могла дожждаться следующего вечера. Сулейман дважды приходил к ней, и она немного покушала приготовленного при нём и выпила гранатового сока. Он был счастлив, видя, как порозовели щёчки девушки. Наконец, наступили долгожданные десять часов и Каролина услышала за дверью голоса:

- Добрый вечер, мои дорогие подружки, вижу, не сладко вам тут приходится.

Все давно уже в своих тёплых постелях, а вы должны быть на страже. Ну, да на всё воля Аллаха... Принесла вот вам горячего чая и свежих булочек, прошу

отведать.

- Ты всегда так добра, спасибо, не откажемся.

- До чего же вкусно!

- Кушайте на здоровье, я ещё принесу.

Через несколько минут послышался слабый голос Каролины.

- Никак, зовут вас.

- Я пойду, узнаю, - сказала одна из женщин поднимаясь. Движения её стали явно замедленными. Другая тем временем уже спала, привалившись к стене.

Факан прошептала в приоткрытую дверь:

- Пожалуйста, ханум, поторопитесь. Нас ждут.

Каролина уже переодевалась в чёрное платье. Накрыв голову покрывалом и прикрыв лицо, она поспешила за Факан. Тихонько спустились на кухню, а оттуда прокрались к воротам. Факан, открыв калитку, пропустила девушку, а сама вернулась. Подошла к спящему мужчине, охраняющему таким образом дом, сказала, протягивая ключ:

- Эй, Харид, хватит спать, а то проспишь всех хозяйских жён и наложниц.

Закрой за мной.

- Хорошо, хорошо ... Ох, и счастливец твой муж, заимел такую красавицу.

Как только Каролина очутилась за воротами, к ней сразу подошли двое мужчин, и один из них спросил:

- Ну как, всё обошлось?

- Чудесно! Я Вам так благодарна. Но, зная старого Сулеймана, уверена, что он всех на ноги поставит, обнаружив пропажу. Думаю, нужно как можно быстрее покинуть его владения.

- Не бойтесь, Каролина, Вам теперь нечего бояться.

- Вы не знаете их, они не допустят, чтобы все узнали о том, что Сулейман занимается похищением девушек.

- Но пока что пойдём в наш лагерь. Вас ждут там с нетерпением, все хотят узнать о Ваших приключениях.

В лагере Каролину провели в самую большую палатку, служившую столовой и местом сбора всей группы.

- Хочу поблагодарить вас всех за участие и помощь в спасении человека, вам совсем незнакомого. Спасибо сердечное! Спасибо Тадеушу и Факане, она сумела побороть свой страх перед этим извергом. Только благодаря им совершился мой побег. Два похищения за две недели - не так уж и мало. Правда, второе мне больше по душе. Спасибо тебе, мой названный брат! - подошла к нему и крепко расцеловала. Слёзы брызнули из её глаз." Справившись с волнением, она продолжала, - А теперь я хотела бы поесть, много-много всего, а главное - хлеба. Все рассмеялись и начали рассаживаться за ожидавшим их столом. Саид со своей смелой женой тоже были здесь почётными гостями.

Тадеуш не сводил глаз с Каролины, и ему не давала покоя мысль, что он когда-то видел этих двух девушек - Каролину и Зубейду:

- Знаешь, это очень странно, но дочь Сулеймана и ты очень похожи, будто сёстры.

- А мы и есть сёстры. Правда, только по матери, но этого достаточно, не так ли?

- Потрясающе! Зубейда знает об этом?

- Нет, она не знает правды. Влюблена в своего отца, верит ему. Воспитание, нравы, религия превратили эту девушку в бездушную эгоистку, самоуверенную, не терпящую возражений... Буду откровенной - я сама сделала всё, чтобы проникнуть в этот дом, чтобы найти и спасти мать, похищенную на моих глазах много лет назад по поручению этого изверга. Мне было всего десять лет, но уже тогда я поклялась найти свою маму, чего бы мне это ни стоило. Выполняя эту клятву я и попала в дом Сулеймана. Знание языка дало мне возможность выяснить, что мама не умерла, как внушил отец Зубейде, а была им продана брату. Зубейда ревнует, боится, что отец будет свою любовь, принадлежащую только ей, делить с другой женщиной. Поэтому не возражала, когда кормилица предложила избавиться от меня известным ей способом. Я подслушала эти планы,

но до сих пор не могу понять, каким образом меня травили. Ведь я не притрагивалась к приносимой пище, а за водой спускалась сама.

- Ханум, дорогая, - тихо произнесла Факан, внимательно слушавшая переводившего ей шёпотом Тадеуша, - Кудея очень хитрая и предусмотрительная женщина. С твоим появлением она запретила пользоваться несколькими кувшинами, заявив, что они принадлежат новой наложнице, и поставила их отдельно. Когда я узнала, что тебе плохо и ты сама ходишь по воду, то мне сразу пришла в голову мысль, что кувшины отравлены так, чтобы нельзя было этого обнаружить. Я видела, как Кудея наполняла их водой и ставила выпариваться на солнце. Теперь я уверена - в воде был яд, и он впитался в глиняные стенки, не оставив никаких следов. Это старый способ отравления, о котором мало кто знает.

- Да, да, милая Факан, это точно, когда я стала пить только свежесжатый гранатовый сок, мне сразу стало легче. Боже, насколько же коварна эта женщина! Я уверена, это она предусмотрительно посоветовала Сулейману избавиться от мамы, чтобы она не имела никакого влияния на дочь.

В этот момент Тадеуш обрадованно воскликнул:

- Вспомнил, вспомнил, где я тебя видел! Пятнадцать лет назад в Тегеране, в нашем посольстве. Ты была там с отцом, всё время плакала и просила всех разыскать твою самую хорошую, красивую и умную маму на свете. В то время мне было четырнадцать лет, я учился в английской школе, а отец мой работал в посольстве. Да, это была ты!

- Да, это была я. Вот и сейчас, как пятнадцать лет назад, я прошу всех присутствующих: Помогите мне разыскать мою маму, самую добрую, самую умную и красивую маму на свете.

- Мы поможем тебе! - почти в один голос ответили все.

Каролина не выдержала, вскочила и, закрыв лицо руками, выбежала из палатки. Тадеуш выбежал следом:

- Успокойся, всё будет хорошо!

Каролина улыбнулась. Он осторожно взял её руки в свои и, глядя в её

заплаканные глаза, тихо повторил:

- Всё будет хорошо. Я помогу тебе, даже если для этого придётся рисковать жизнью ... Это какое-то наваждение ... Чувствую, ты - моё предназначение, ты - моя боль и счастье. Все эти годы я не мог забыть девочку, умоляющую найти её маму ... Всё, всё сделаю для тебя ... Боюсь произнести это слово ..., но знаю, что это так. Счастье ты моё долгожданное, всё будет хорошо, - сбивчиво шептал он.

Каролина слушала с широко раскрытыми глазами, чувствуя его искренность и преданность. "Боже! Какой он весь свой, родной!" Прижавшись к его груди снова разрыдалась. Плакала долго. Тадеуш не прерывал и не успокаивал, только нежно гладил по волосам. Наконец, она стала успокаиваться:

- Прости, это всё нервы. Прости ...

- Всё будет хорошо, увидишь ... Всё будет хорошо.

Вернулись к столу. Было уже два часа ночи, когда девушки предложили

Каролине пойти ночевать в их палатку, они уже даже постель приготовили. Она не возражала. Попрощалась и вышла с девушками. Усталость и слабость после голодания давали себя знать, и она мгновенно уснула.

Проснулась оттого, что не хватало воздуха. Открыла глаза - темно. Хотела повернуться, но не смогла, руки и ноги были связаны. Хотела крикнуть - рот был залеплен пластырем. И вся она находилась в каком-то мешке. Снова похищена? От своего бессилия пришла в ужас. Неожиданно услышала голоса, один из них принадлежал Кудее:

- Молодцы, ребята, хорошая работа. Но надо успеть доставить её до рассвета, чтобы господин не узнал о случившемся. Ещё немного усилий, и мы дома, осталось не больше километра. Жалко, что нельзя воспользоваться машиной. Хотя они и крепко спят, но бережёного и бог бережёт. Ну, отдохнули немного? А теперь в дорогу!

Каролина почувствовала, как крепкие мужские руки подняли её и понесли ...

Тем временем Тадеуш без сна ворочался в своей постели. Разные мысли не давали ему заснуть. Одно он знал твёрдо - Каролине уже нечего бояться. Хотя

лучше, конечно, побыстрее уехать в Тегеран, всё-таки эти земли принадлежат Сулейману, он здесь полновластный хозяин. Поднялся, вышел из палатки, закурил. Ночь была звёздная, тихая, ни ветерка, ни шороха. Вздохнул, потушил сигарету, вернулся в палатку, улёгся, пытаюсь заставить себя заснуть. Проснулся от какой-то боли в сердце и чувства тревоги. "Что-то случилось. Каролина!", - молнией пронзила мысль. Повинуясь какому-то безотчётному порыву, выбежал наружу, у палатки девушек тихо позвал:

- Каролина!

Никто не отозвался. Попытался что-нибудь разглядеть в окно безрезультатно. Осторожно потянул за полог, он оказался не застёгнутым, вероятно, уставшие девушки забыли это сделать. Включив миниатюрный фонарик провёл лучом по постелям. В двух спали девушки, третья была пуста.

- Каролина! - закричал он, - Где ты?!

Девушки испуганно приподнялись в постелях:

- Кто здесь? Что случилось?

- Где Каролина?

- Как где? Спит

- Её нет в палатке! - выбежал, огляделся, заскочил к себе:

- Ганс, вставай скорей, Каролину снова похитили! Организуй мужчин, а я побежал в сторону дома Сулеймана.

Оставалось не более четырёхсот метров до цели, когда он увидел впереди в темноте ночи движущиеся тени. Похитители тоже обнаружили преследование и ускорили шаг, почти побежали. Кудея подгоняла их:

- Скорее, скорее, главное - успеть до ворот.

- Остановитесь, буду стрелять, - закричал Тадеуш.

Бегущие остановились. В это время подъехали две машины, из них выскочили пятеро мужчин.

- Где Каролина? - на бегу крикнул Ганс.

- Уверен, что у них, в мешке, что тащат эти двое.

Они были уже совсем близко от похитителей.

- Не приближайтесь, - закричала Кудея. - А вы бегом тащите её к воротам!

- Последний раз предупреждаю, буду стрелять, если не положите мешок на землю!

Мужчины стояли в растерянности от страха перед наведённым пистолетом и от боязни послушаться Кудею.

- Повторяю, положите мешок на землю!

Мужчины опустили мешок.

- А теперь идите к дому.

- Ни с места! - закричала Кудея, выхватив из-под одежды кинжал и наклонившись над мешком. - Ни шагу, слышите! А ты, - повернулась она к Тадеушу, - брось оружие, а то этот нож не ошибётся!

Тадеуш, видя одержимость этой ведьмы, не сомневался, что она выполнит обещание. Он отбросил пистолет в сторону.

Кудея же приказала своим помощникам поднять мешок и нести его к воротам. Сама шла рядом, прикрываясь ими и держа кинжал наготове.

Что переживала в этот момент Каролина, всё слыша, но не имея возможности ни крикнуть, ни пошевелиться, трудно себе представить.

Подойдя к воротам, Кудея, не опуская руки с кинжалом, другой рукой достала ключ, открыла калитку и приказала мужчинам идти вперёд. И вдруг произошло что-то, чего никто не понял. В темноте метнулись какие-то тени, Кудея с помощниками кубарем влетели в открытую дверь, и она сразу же захлопнулась, а мешок, как по-волшебству оказался около преследователей, был моментально развязан, и перед изумлёнными геологами предстала связанная Каролина. Мгновенно её освободили от верёвок и пластыря. Она молча оглядела всех и вдруг... начала смеяться. И все остальные, глядя на неё, захохотали, смеялись до слёз, до коликов, и не могли остановиться.

Наконец, кто-то нашёл в себе силы спросить:

- Что же всё-таки произошло?

Смех прекратился, все молча с недоумением смотрели друг на друга. Тишину нарушил Саид:

- Это мы с Фаридом опередили Кудею, подбежали к воротам и спрятались за выступом. Поэтому вы нас не видели, и она не могла заметить. Мы ждали только, когда она откроет дверь. Ну а дальше вы сами видели.

Тадеуш перевёл его слова.

- Ну, а теперь побыстрее сматываемся, пока наш великий шах не поднял против нас всех своих слуг.

Расселись по машинам и поехали в лагерь. Небосвод на востоке уже начал светлеть. Новый день вступал в свои права. Это был первый день из последних четырнадцати, когда Каролина чувствовала себя свободной, когда она уже ничего не боялась - ведь рядом Тадеуш и его замечательные друзья. Для Факаны и её мужа Саида это был тоже первый день, когда они решили больше не служить Сулейману. К сожалению, Тадеушу никак нельзя было оставить неоконченную работу, и пришлось выезд в Тегеран отложить на следующий день.

Во второй половине дня к базе геологов подъехал сверкающий открытый "Мерседес" и, не успев он остановиться, как из него выскочила светловолосая девушка в длинном, светло-лиловом платье из лёгкого шифона и в покрывале такого же цвета. Зубейда!? Здесь?!

- Извините, что без предупреждения, - воскликнула она, видя удивление на лицах обступивших её геологов, - но мне необходимо поговорить с Лизой. Это очень важно.

- Простите, но у нас нет девушки с таким именем.

- Как это нет? Я знаю, что она тут. Мне сказала об этом Кудея. Пожалуйста, это очень важно, - капризно повторила она.

Каролина из палатки с изумлением наблюдала за происходящим. Вышла, подошла к машине:

- Здравствуй, Зубейда, ты хотела меня видеть?

- Я привезла тебе маленькую Каролинку, ты забыла её забрать ... Рада, что ты свободна.

- А я боюсь за тебя

- Боишься за меня? Что мне может угрожать? Я не понимаю тебя, Лиза!

- Пойдём-ка в одну из палаток, я бы хотела поговорить с тобой наедине.

- Но ..., - оглянулась вокруг, - я не могу ...

- Не бойся, тебя здесь никто не украдёт, это только твой отец и ему подобные способны на такую подлость и бесчеловечность.

Ну ..., хорошо, - покорно согласилась Зубейда.

Вошли в палатку, остальные понимающе оставили их вдвоём.

- Слушаю тебя, Лиза.

- Это будет долгий разговор. Приготовься выслушать спокойно и не перебивать меня, а там уж твоё дело, что решать, что делать, верить мне или нет. Начну с твоей матери.

- Ты знала её?

- Я ведь просила не перебивать меня... Итак, твоя мать. Мама, мамочка.

Самое святое, что может быть у человека. Женщина, которая подарила тебе жизнь". Но твоя мама была необыкновенная - умная, талантливая, красивая". Её все любили. Дочка, другая - не ты, обожала её, муж - боготворил, друзья - восторгались". И вот, однажды, это счастливое семейство решило отправиться из своей любимой Варшавы в далёкое путешествие, посетить арабские страны, в том числе и Иран. Маленькая дочка, ей как раз исполнилось десять лет, от всего была в восторге, всё ей напоминало сказки из "Тысячи и одной ночи". Одно из посещений тегеранского базара могло кончиться для неё трагически - её пытались украсть, но она сумела вырваться. На всю жизнь запомнила она толстого мужчину с чёрными усами и огромными волосатыми руками". После этого родители ни на секунду не оставляли её одну. Но случилось непредвиденное. Находясь в одном из тегеранских кафе, мать с дочерью на несколько минут вышли в туалет. Там на них напали. Девочку связали и заклеили пластырем рот, а маму похитили. Та же

судьба ждала и дочь, но отец спохватился до того, как похитители вернулись за нею. Много дней отец с дочерью, международная полиция разыскивали её, но напрасно. Исчезла без следа". Маленькая девочка ещё тогда поклялась перед Богом, что разыщет свою любимую маму. Прошло пятнадцать лет, и она приступила к выполнению своей клятвы. За это время она выросла, превратилась в сильную, как две капли воды похожую на маму, девушку. Закончила университет, изучила арабские языки и обычаи, стала профессиональным переводчиком. И вот она прилетела в Тегеран. Прилетела, чтобы вернуть свою мать. Нашла место и даже узнала человека, что пытался похитить её и, она не сомневалась в этом, похитил её маму. На этот раз сама дала ему возможность совершить с собой подобное. Таким образом очутилась в доме отвратительного, развратного, выжившего из ума, старого Сулеймана. И тут неожиданно у него оказалась дочь - золотоволосая красавица, так похожая на маму". Сестра. Сестра по матери".

- Значит, ты - моя сестра?! О, великий Аллах, какое счастье!

- Я же просила не перебивать меня!

- Хорошо, хорошо, молчу, - слёзы текли по щекам Зубейды, но она не обращала на них внимания.

- Итак, в доме Сулеймана она встретила свою сестру, которая оказалась чёрствой, холодной, влюблённой в себя самоуверенной эгоисткой. Она возненавидела новую наложницу отца, не хотела ни с кем делить его любви.

Послушалась коварной и лживой Кудеи, решив уничтожить "соперницу".

- Ах, почему же ты не сказала мне сразу, что ты - моя сестра? Почему?

- Ты же обещала не перебивать". Никто не догадывался, что я не хуже тебя, Зубейда, владею арабским. Сразу поняла, что вы замышляете. Была очень осторожной, но и тут Кудея перехитрила меня, оказалась коварнее, чем можно было предположить ... Но я знаю больше, чем ты, моя дорогая сестра. Наша мама жива, Аллах не забрал её душу, как всю жизнь лгал тебе отец. Он, при помощи всё той же Кудеи, продал или подарил нашу маму своему брату, твоему дяде,

который имеет самые лучшие шелка, да и гарем у него, говорят, лучше, чем у твоего отца. И сделал это на другой день после твоего рождения. Многие слуги знают об этом, но молчат под страхом сурового наказания. Вот так. Наша мать жива и наш долг - отыскать её.

- Сестра, дорогая, пусть Аллах накажет меня, что я была так несправедлива с тобой! Что же мне теперь делать? Как жить? ... А отец?! ... Он же хороший, добрый ..., я это знаю ..., всё делает для меня ... я его люблю, понимаешь, люблю ...

- Понимаю тебя, Зубейда, так оно и должно быть, дочь должна любить и почитать своих родителей ...

- А мама, я ведь совсем её не знаю. Какая она? Смогу ли я полюбить её? Почему она не захотела покориться? Ведь тогда она не потеряла бы меня ... Отец говорил, что она даже пыталась убить его. Это ужасно!

- Ужасно, говоришь? А разве ты не позволила то же самое сделать со мной? Не забывай, что к тому времени наша мама имела мужа и ребёнка, которых любила больше жизни. По какому же праву чужой человек хотел её всего ЛИШИТЬ? Да И ЛИШИЛ!

- Да ..., да, как тебя чуть было не лишили твоей доченьки и мужа.

- Прости, сестра, я обманула тебя, хотела разжалобить твоё сердце. Я не замужем и не имею пока доченьки. И зовут меня не Лиза, а Каролина, и по национальности я полька, а не англичанка.

- Не знаю, что мне сейчас делать? Как вернуться в дом, где всё - ложь? Какими глазами смотреть на отца? Ведь он был для меня всю жизнь всем!

- К сожалению, не могу тебе в этом помочь. Единственное - если у тебя будет желание найти маму, можешь ко мне присоединиться, вдвоём легче.

- Да, да, конечно, нам надо её найти!

Зубейда поспешно попрощалась и уехала. Сидя в машине чувствовала страх. Впервые в жизни она не знала, что делать? Как поступить? У кого спросить совета? У неё было ощущение, что всё рухнет, земля уходит из-под ног. На кого можно надеяться? Кому верить? Отец - единственный, кто был для неё всем. Она

любила его, гордилась им. Гордилась, что он такой всемогущий, богатый, не знающий ни в чём преград. Гордилась, что судьба её не такая, как у других, что она белокурая, а в жилах её течёт кровь арабского народа, кровь её всемогущего отца. А что сейчас? Оказывается, с самого рождения её окружала ложь! Ложь, которую она впитывала уже с молоком лживой Кудеи, её любимой молочной матери.

Не помня себя, ворвалась в комнату отца, впервые не предупредив слуг, не спросив разрешения. Ворвалась, а не вошла ...

- Дитя моё, что произошло? На тебе лица нет ...

- Отец, зачем, зачем вы все мне лгали?! Моя мать жива! Я знаю! Ты продал её дяде Тадж-аль Мулуку. Почему ты скрывал это от меня?

- Успокойся, радость моя. Кто сказал тебе такое? Всё это неправда. Великий Аллах забрал к себе твою непокорную мать, при этом подарив мне тебя. Кудея может это подтвердить.

- Кудея - лживая коварная змея! Сначала она помогла тебе избавиться от мамы, чтобы иметь меня при себе и, тем самым, быть ближе к тебе, затем натравила меня на Лизу, сделала меня сообщницей и чуть не убила её. Это она отравила воду. Бедная моя сестра ...

- Что ты сказала, дочь моя? О какой сестре ты говоришь?

- Отец, ты не ослышался! Это моя сестра, сестра по матери. Когда по-твоему приказу украли мою будущую мать, Лизе, вернее, Каролине, было всего десять лет. Она поклялась, что, когда вырастет, найдёт свою маму и отомстит. Она не англичанка. Она полька и знает наш язык не хуже нас с тобой. Она рассказала мне всю трагедию моей бедной мамы ... Я её никогда не видела, но клянусь, я найду её, чего бы мне это ни стоило. Отец ..., зачем ты лгал мне всю жизнь ..., ведь я тебя так любила ..., - с этими словами, уже не сдерживая рыданий девушка выбежала из комнаты, оставив старика в полной растерянности.

Сулейман хотел побежать за ней, крикнуть, но спазм сдавил его горло, сердце пронзила острая боль, и он упал на застланный драгоценными коврами

пол. В таком состоянии, лежащим без сознания с широко раскрытыми невидящими глазами и нашли его слуги, заглянувшие через несколько минут в комнату.

В доме начался переполох. Кудея в ужасе вбежала в комнату Зубейды:

- Ханум, ханум, милая! Отец ...

- Прочь с моих глаз, предательница и убийца! Не хочу тебя видеть и ничего слышать об отце."

- Ваш отец умирает ...

- Что?! - мгновенно соскочила с кушетки и помчалась в отцовскую половину.

Он уже лежал на кровати. Девушка бросилась к нему.

- Отец, дорогой, любимый, не оставляй меня так ... Скажи хоть слово ...

Но он лишь молча смотрел на неё, и только по выкатившимся из глаз слезам можно было понять, что он слышит её.

- Наш господин не может говорить. Видимо, произошло кровоизлияние, тело и речь парализованы. Будем надеяться, что это временно. Сейчас ему необходим «только покой», — сказал за её спиной домашний врач.

Зубейда попросила всех на пару минут оставить её наедине с отцом. Когда присутствующие вышли, наклонилась над ним:

- Отец, дорогой мой, любимый, единственный, я знаю, что ты меня слышишь. Прости, что я была с тобой сегодня так резка, но ты должен понять меня, моё состояние. Несмотря ни на что я очень люблю тебя, очень ... Если ты меня прощаешь, закрой глаза, хорошо? - Сулейман послушно опустил веки. -

Спасибо, отец. - Она нежно его поцеловала. - А теперь, врач сказал, тебе необходим только покой, и всё будет хорошо. Можешь уже посмотреть на меня ... Почему ты не открываешь глаз? Ты слышишь меня, отец?

В ужасе прильнула ухом к его груди - ничего не слышно ...

- Люди! Доктор!

Врач приложил пальцы к шее Сулеймана, пытаясь уловить пульс, некоторое время молчал, потом, посмотрев вверх, произнёс:

- Великий Аллах призвал к себе нашего господина."

Зубейда рванулась к отцу, но тело не послушалось и всё поплыло перед глазами ... Очнулась в своей комнате. У кровати стояли Кудея и врач.

- Всё в порядке. Это был обморок от нервного потрясения... Что делать, деточка, такова жизнь - все мы лишь гости в этом мире. Держись, - участливо произнёс он.

- Спасибо, доктор... Кудея, я не хочу тебя больше видеть! Никогда, слышишь? Выйди!

Кормилица покорно вышла.

Прошло около десяти дней. Похороны отца, а затем множество необходимых формальностей заняли много времени. Хотя Зубейду ни на час не покидали мысли о сестре и матери, но смерть отца была для неё огромным потрясением. Она винила в ней себя, понимая, что причиной послужил их последний разговор. Никому не говорила она об этом, зачем возбуждать к себе ненависть, а горю всё равно не поможешь.

Тем временем Каролина решила не ждать сестру, и с помощью Тадеуша начать действовать. В лагере в тот же вечер узнали о случившемся. Работы были на неделю приостановлены, и не было никаких причин здесь задерживаться.

Выехали в Тегеран. Там, получив корреспонденцию и переговорив с бабушкой по телефону, Каролина с Тадеушем и Гансом отправились в один из южных османов, где всемогущим господином был Тадж-аль Мулук, родной брат Сулеймана. У него по всем предположениям находилась мать Каролины.

Предварительно изучили местность, взяли напрокат большой японский джип с кондиционером, при такой жаре это было необходимо.

Каролина была в постоянном напряжении, не могла ни на минуту забыть, что скоро увидит, наконец, свою любимую мамочку, мамулю. Ещё немного, Ещё немного ...

Тадеуш не отрывал взгляда от Каролины, любовался ею, удивлялся

состоянию своей души, - "Странно, знакомы всего несколько дней, а мне кажется, что знаю её всю жизнь, до чего же родная, близкая ... Не смогу жить без неё, без её любви, не смогу ... ", - Он страстно хотел высказать ей свои чувства, но одновременно боялся этого. Разные мысли приходили в голову, не может быть, чтобы такая красивая девушка в свои двадцать пять не имела друга, может быть она его так же любит, не представляет себе жизни без него. В ту, первую ночь слова признания сами вырвались из души, он не контролировал себя, хотя и тогда понимал, что они неуместны. Тем более сейчас, когда она вся наполнена ожиданием предстоящей встречи и не может ни о чём другом думать... Он оторвался от своих невесёлых раздумий и спросил:

- Каролина, как ты думаешь, что лучше сказать, чтобы без подозрений войти в дом этого Тадж-аля?

- Тадеуш, Ганс, вы же такие умные, придумайте.

- Я уже придумал. Мы - группа геологов, работаем у Сулеймана, но ничего не знаем об их родстве. Просто нам известно, и это чистейшая правда, что его земля таит в себе неисчислимы богатства, о чём свидетельствуют исследования, произведённые раньше. У меня есть подтверждающие документы. Каролине лучше бы переодеться в спортивный костюм, чтобы выглядеть настоящим геологом. И убрать свои роскошные волосы, иначе этот бедный Тадж-аль сойдёт с ума, и нам снова придётся играть роль рыцарей и спасти похищенную.

Все рассмеялись.

- Сделаю всё, как вы скажете. Ради этого готова даже подстричься под мальчика.

- Это уж ни в коем случае, - в один голос закричали друзья.

Снова все рассмеялись.

Подъехали к изумительному селению, живописно расположенному на холмах, покрытых обильной зеленью, многочисленными кафе, магазинчиками, парикмахерскими и мастерскими больше похожее на небольшой городок.

Продавцы и мастера лениво попивали чай на ступеньках своих заведений,

потягивая длинные трубки. В воздухе стоял аромат хорошего табака и пряностей. Остановились возле уютного кафе, расположенного под кроной огромного дерева над широким арыком. Расположились, заказали чай со сладостями. Спросили хозяина, где находится дом Тадж-аль Мулюка. Старый иранец, довольный возможностью поболтать с новыми людьми, подробно всё объяснил, рассказал, что за углом лучшая в городе гостиница, где они могут с удобствами отдохнуть. Действительно, гостиница была хоть и небольшая, как и всё здесь, но чистенькая, современная, с кондиционерами. Заказали два номера, попросили соединить с резиденцией правителя. Тадеуш по-арабски объяснил, кто они, какова их миссия, где остановились, спросил, могут ли надеяться на встречу. Минут через сорок секретарь сообщил, что господин примет их завтра в шесть часов вечера. Каролину огорчила эта отсрочка - ещё почти сутки бесцельного ожидания, но что делать? Ждала пятнадцать лет, подождёт ещё сутки. Извинилась перед мужчинами, сказала, что покинет их ненадолго - примет ванну и немного отдохнёт с дороги. А часа через два-три можно будет погулять по городу. Конечно, они тоже отдохнут и приведут себя в порядок. Через три часа Тадеуш постучал в номер девушки. Дверь открыла иранка, прикрывавшая лицо покрывалом, из-под которого виднелась прядь чёрных волос. Растерявшийся Тадеуш извинился по-арабски, добавив, что, вероятно, ошибся дверью. На что она ответила:

- Входите, дорогой саиб, сейчас ханум вернётся.

Он присел на софу и стал ждать. Иранка ушла в ванну. Так прошло несколько минут. Наконец, она вышла, и Тадеуш спросил:

- Простите, Вы случайно не знаете, куда вышла ханум?

- К сожалению, мне не доложили, - по-польски ответила "иранка".

- Каролина! А я, дурак, и не догадался, ну и актриса же ты. Потрясающе!

Оставайся в этом наряде, пойдём к Гансу.

Тадеуш распахнул перед девушкой дверь и обратился к удивлённому другу:

- Ганс, я только что познакомился с этой женщиной, и она мне очень

понравилась. Я тотчас же подумал о тебе, моём лучшем друге. Ты же давно не был в женском обществе, почему бы тебе не провести вечер с этой очаровательной дамой?

- Ты с ума спятил? Я и арабка. И как ты мог заметить, что она очаровательна?

Она же вся завёрнута, как луковица.

- Ах, Ганс, у тебя нет никакой фантазии. Вспомни дон-Жуана, когда он жалуется, что "узенькую пятку лишь заметил". Что ему сказал его верный Лопорелло? "Довольно с Вас. У Вас воображение в минуту дорисует остальное".
Женщина, до сих пор стоявшая молча, в этот момент тихо сказала:

- Селям-алейкум, мой саиб.

- Селям-алейкум, селям-алейкум." И что же я с ней должен делать?

- Развлекать, пригласить в кафе

- Да меня же арабы на месте убьют, если я с ней появлюсь. И на каком языке буду я её развлекать?

- Да на английском, чёрт возьми, если ты настоящий мужчина, - произнесла Каролина по-английски.

Ганс чуть не упал на месте:

- Каролина! Ну и разыграли же вы меня ... Вот вам и прекрасная идея: завтра вечером скажи, что у тебя жена арабского происхождения, лучше из другой страны, например, из Ирака. Вы оба владеете фарси, так что это не может вызвать подозрений. Так будет легче отыскать мать Каролины. Что, хороша идея?

- Лучше не придумать. Я согласна.

- А я нет. Не хочу жену-арабку, только польку и только золотоволосую ханум.

- Ради дела можно и потерпеть пару дней. - сделал вид, что рассердился Ганс.

К шести часам вечера следующего дня машина с тремя друзьями подъехала ко дворцу Тадж-аль Мулюка. Открылись кованые ворота красивого металлического забора, окружающего резиденцию, и джип въехал в просторный

двор. Большой, красивый трёхэтажный дом был выстроен в форме подковы. Во дворе толпились любопытные домочадцы и прислуга. На балконе первого этажа стоял мужчина лет пятидесяти пяти, одетый в роскошный халат. Это и был сам хозяин. Он приветствовал гостей, приглашая подняться наверх. С недоумением посмотрел на женщину-арабку, скромно следующую за мужчинами:

- Простите, господа, а кто эта женщина, что приехала с вами?

- Тысяча извинений, я забыл предупредить Вас. Эта женщина - моя жена.

Она специально надела своё национальное платье, чтобы не возбуждать лишнего любопытства.

- Я очень рад, господин, что одна из наших соотечественниц стала Вашей женой. Но великий Аллах не позволяет, чтобы при мужском разговоре присутствовали женщины. Если Вы не возражаете, пусть Вашей ханум займутся мои женщины. Она не будет скучать в их обществе.

Тадеуш и Ганс переглянулись. Они не учли такой возможности и сейчас растерялись. Выручила Каролина:

- Не беспокойтесь, пожалуйста, мне гораздо больше нравится поболтать с женщинами. Занимайтесь своими делами.

Мужчины поднялись наверх, а женщины обступили Каролину. Начались вопросы, смех, её пригласили в комнаты для гостей, где тотчас же начали накрывать столы. Оставшись среди женщин, Каролина, по обычаю, открыла лицо.

Увидев недоумённые взгляды, поспешила объяснить:

- Я родилась в Багдаде, мой отец - араб, а мама - англичанка. Воспитывалась я у бабушки, так хотел отец, в Европу выезжала редко, поэтому хорошо знаю язык и обычаи, английский намного хуже, но сейчас, благодаря мужу, стараюсь наверстать упущенное.

Женщины сразу почувствовали к ней симпатию - своя. Каролина же, говоря всё это, не переставала искать глазами свою маму, но среди женщин её не было.

Тогда она спросила:

- У вас, конечно, не могло быть такого случая, чтобы ребёнок родился от

женщины другой национальности, не так ли?

- Ах, что ты, дорогая! У нас тоже есть такое. Вон, видишь, бегают двое ребят.

Эй, Омар, Хусам, идите сюда, милые!

Подшли два красивых большеглазых мальчика, старшему лет тринадцать, младшему не более девяти.

- Видите, эта женщина, как и ваша мама, из Европы, даже похожа на неё, не правда ли?

- Нет, не похожа, - ответил младший, - наша мама белая, а она чёрная.

- Да не волосами похожа, а лицом.

- Тоже нет. Наша мама красивей.

- Ох уж, эти дети! Ваша мама старая, а эта молодая, поняли?

- Нет, нет! - закричал старший, схватил младшего за руку и, убегая, крикнул,

- Наша мама всё равно лучше. Она самая красивая и молодая!

- Старая, старая! - с ненавистью закричала вдогонку детям одна из женщин, - Знаешь, незнакомая ханум ...

- Меня зовут Зубейда.

- Так вот, Зубейда, лет примерно пятнадцать назад наш господин купил эту бабу. Тогда она была ещё ничего - золотоволосая, гладкая, но чудная. Первые годы мы от неё и слова не слышали, думали - немая. Родила мальчишку, потом другого, только с ними и разговаривает. Столько лет прошло, а как была эта ведьма нам чужой, так и осталась. Не понимаем мы, что у неё в душе зарыто. А господин наш ей всё прощает. И детей от неё, от наложницы, любит больше, чем от законных жён. Не любим мы её.

У Каролины на миг остановилось сердце. Вот это новость - двое очаровательных братишек. Не похожи ни на мать, ни на Зубейду. Волосы русые, а глаза, как у газели - огромные, влажные, тёмные, дерзкие, особенно у старшего. Комок сдавил горло и слёзы набежали на глаза.

- Жаль мне эту женщину. Жаль ... Одиноко ей здесь, наверное.

- Была бы поприветливее, не было б одиноко. Язык наш выучила, всё

понимает. Сама не хочет с нами общаться, гордая чересчур ... Да и двое детей, куда там одиноко?

Чтобы не настораживать женщин излишним любопытством, сменила тему:

- Нравится мне у вас. Отведаю-ка своих любимых сладостей. Нигде в мире нет таких, как у нас.

- Права ты, Зубейда. Благослови, великий Аллах, наш дом, чтобы всегда стол был полон и для наших гостей, и для нас!

Приступили к еде. Каролина не уставала расхваливать блюда, женщины просто расцветали от её похвал. Осторожно сказала:

- Знаете, дорогие сёстры, у меня есть маленькая просьба".

- Проси, дорогая ханум, проси, всё исполним.

- Жаль мне мать этих двух детей. Вспомнила я свою мамочку, да и мне было первое время очень одиноко в Англии, несмотря на любовь моего мужа. Так хотелось поговорить с кем-нибудь на родном языке. Не пригласить ли нам её сюда, пусть немного развлечётся, может ей приятно будет поговорить по-английски.

- Не пойдёт она, знаем мы её, не пойдёт.

- А вы скажите, что тут женщина из Англии, хочет поговорить ...

- Не хотелось бы ... Но желание такой уважаемой гостьи - закон. Пойду, попробую, - поднялась одна из женщин.

У Каролины сжалось сердце. Страх охватил её. Ещё момент, ещё мгновенье и Вошла седая женщина в чёрном:

- Селям-алейкум. Мне сказали, тут гостья из Лондона. - перешла на английский, - Но я не вижу никого из Европы.

- Это я, - тоже по-английски прошептала Каролина. - Это я.

- Что хорошего слышно в Европе? Я уже более пятнадцати лет не была там, да и не разговаривала ни с кем оттуда. - седая женщина смотрела грустно, каким-то отстранённым, без любопытства взглядом.

"Господи! Неужели это моя мамочка?! Как постарела. Вся седая. Не узнать.

Почти не отличается от иранок. Только глаза, большие, серо-зелёные, но какие-то

потухшие, безжизненные".

- Я видела Ваших детей.

- Каких? - как-то резко встрепенулась мать

- Двух очаровательных мальчиков.

- Да, да, у меня чудесные дети, самые умные, самые красивые, - и слёзы беззвучно полились по её щекам.

Каролина не выдержала:

- Мамочка, дорогая моя, единственная, я нашла тебя, нашла. Не плачь, теперь «я уж никогда не потеряю тебя», — говорила она, обливаясь слезами, обнимая и целуя плачущую мать, - Успокойся, моя любимая, успокойся. Это я, Каролина, твоя маленькая девочка, которая пятнадцать лет назад дала клятву найти тебя и нашла.

Мать широко раскрытыми глазами смотрела на неё, не в силах поверить в случившееся. Ошарашенные женщины были в полном недоумении, не в силах понять, что происходит.

- Каролина, моя маленькая деточка, не могу поверить, - бормотала сквозь слёзы Беата. - Женщины, это моя дочь, моя родная дочь, которую я не видела пятнадцать лет. - провела рукой по голове, поняла, что это парик, сняла его, и золото волос рассыпалось по плечам девушки, - Господи, действительно моя Каролинка, моё белокурое сокровище.

Кто-то привёл детей. Они стояли, с недоумением глядя на мать, с плачем обнимающую и целующую незнакомую девушку с распущенными золотыми волосами и говорящую что-то непонятное.

- Мама, мама, что с тобой?

- Дети мои, это ваша старшая сестра. Я потеряла её пятнадцать лет назад, когда меня привезли сюда. А это твои братья, Каролина.

Мальчики стояли молча. Затем старший резко повернулся и убежал. За ним и младший.

- Это для них большая неожиданность. - как бы оправдываясь, сказала Беата,

- но я им всё объясню. Они любят меня и поймут, обязательно поймут.

- Мама, я встретила со своей сестрой, дочерью Сулеймана Зубейдой. Она сейчас такая же красивая, как и ты в молодости.

- Ты видела её?! И ты сказала ей, что я жива?!

- Да, да, она всё знает.

- Она приехала с тобой?

- Только что умер её отец, старый Сулейман. Аллах наказал его за все муки, причинённые тебе. Она его очень любила, и он любил её больше жизни. Я видела это собственными глазами ...

- Она только моя дочь - не его! У вас не только одна мать, но и один отец - Богдан. Когда меня похитили, я уже два месяца носила её под сердцем. Вы родные сёстры, и никакой другой крови в вас не течёт.

- Мамочка, какое счастье! Теперь она всё поймёт! Я уверена, как только она оправится от своего горя, приедет сюда обязательно.

Неожиданно в дверях появился негодующий Тадж-аль Мулюк:

- Что здесь происходит?!

- Мой господин, - смиренно ответила Беата, - у меня сегодня счастливый день. Моя дочь разыскала меня. Разрешите мне поговорить с ней, и пусть женщины оставят нас одних.

Всё ещё плохо понимая, что здесь произошло, он приказал женщинам удалиться, а сам спросил у Каролины:

- Зачем Вам надо было прибегать к этому театру, ко лжи, неужели нельзя было выяснить всё и без таких ухищрений?

- Простите, уважаемый господин, за последнее время я испытала много зла, пытаюсь напасть на след моей матери, похищенной много лет назад. Я поняла, что не прибегая к обману, не добьюсь ничего. И на этот раз только ложь помогла мне встретить мою маму. Я не виню Вас в похищении моей матери, но всё же Вы приняли её от своего брата, жестокого и похотливого, для которого не существовало никаких законов, кроме его собственных желаний, который ради

собственного удовольствия мог пойти на любое преступление, оправдывая его своим богатством и могуществом. Разве это не бесчеловечно, разве не преступление лишить детей матери, а мать - только что родившегося ребёнка, отдать её другому самцу - может быть ему удастся укротить дух непокорной славянки? Нет, уважаемый Таж-аль Мулюк, не удастся! Живите своими обычаями, своей покорностью и преклонением перед Аллахом, а нам оставьте нашего Бога, не требующего от людей бессмысленного поклонения и не толкающего на такие бесчеловечные поступки ... Хотите Вы этого или нет, но моя мать не останется тут. Она уйдёт вместе с нами, не так ли мама?

- Да, да, конечно ..., уйду ... Я ведь так ждала этого, так ждала.

- Беата, ты не уйдёшь из этого дома, у тебя ведь дети! А разве я плохо относился к тебе? Сколько раз я предпочитал тебя другим?!

- Всё это правда, мой господин, но, несмотря на это, я здесь чужая. А там, на родине, меня ждут. Я им нужна, а они мне. Разрешите мне уехать.

- Я могу отпустить тебя, но детей ты никогда не увидишь. Это мои сыновья. Только мои.

- Умоляю Вас! Сколько можно лишать меня моих детей? Я их вырастила в почтении к отцу и в дальнейшем буду так же воспитывать. Они будут часто приезжать сюда. Нельзя лишать их матери!

- Я не меняю своих решений. Ты можешь уехать только на этих условиях.

- Каролина, что делать? Они ведь ещё такие маленькие ... Что делать?

- Мама, это мальчики. Через пару лет они станут мужчинами. В этой стране родиться мужчиной - большое счастье. То, что ты вложила в их души, с ними и останется. И, если это настоящие люди, они найдут тебя, ты их не потеряешь. А там Варшава, бабушка, я, сестра... К сожалению, папа умер пять лет назад".

Решай.

- Я уезжаю, - решительно сказала Беата, - пойду только соберу вещи и попрощаюсь с сыновьями.

На следующий день все уже были в Тегеране. За несколько дней оформили документы. Польское посольство выдало Беате временный паспорт. Каролина буквально насильно затащила маму в парикмахерскую, подкрасили ей волосы, сделали модную причёску. Накупили современную модную одежду". Снова Беата почувствовала себя свободной красивой европейской женщиной. В глазах появилась жизнь.

Ни разу за это время не говорила она о Зубейде, но по всему чувствовалось, что с нетерпением ждёт этой встречи. Ждёт, когда же, наконец, войдёт к ней младшая дочь, её не до петая с Богданом песня. Богдан! Все эти годы она не забывала его ни на секунду. "Спасибо тебе, мой дорогой за всё, за твою любовь, за преданность, за память, что оставил ты по себе - за наших дочерей". - так думала она, оставаясь одна и вглядываясь в фотографию своего любимого мужа. Каролина сообщила Зубейде, в какой гостинице находятся они с мамой. Назначила время встречи. И вот, наступила минута, когда она подвела сестру к дверям комнаты матери:

- Не волнуйся, сестричка, иди. Мама ждёт. Я не хочу присутствовать при вашей встрече. Войди сама.

Девушка постучала.

- Войдите, - донеслось из-за двери по-английски.

Вошла и замерла у дверей. Напротив, в кресле у журнального столика сидела уже не молодая, но очень красивая, элегантная европейская женщина.

- Я - Зубейда, - только и смогла она выговорить непослушными губами.

- Знаю, - бросилась к ней Беата, - знаю, моё маленькое, украденное сокровище. Я всё о тебе знаю, дочурка моя бесценная.

Девушка продолжала стоять, не в силах выговорить ни слова. Потом тихо сказала:

- Папа умер ...

- Знаю, доченька. Твой папа умер пять лет назад в Варшаве.

- Мама! - неожиданно для самой себя произнесла Зубейда это слово. - Мама,

что ты говоришь? Отец умер на прошлой неделе, и это я стала причиной его преждевременной смерти. Это моя вина.

- Не говори так, любимая моя. Никакой твоей вины здесь нет. Старый Сулейман никогда не был твоим отцом. Он только желал этого. Желал больше всего на свете иметь такую красавицу-дочь. Но не всё в этом мире можно купить за деньги, взять силой или хитростью. Твоим отцом, как и Каролины, был мой единственный муж, моя единственная любовь, необыкновенной души человек - Богдан. Когда меня похитили, я уже больше двух месяцев носила тебя под своим сердцем. Ты уже большая девочка, можешь сама подсчитать, что пришла ты на свет через семь месяцев после моего появления в доме Сулеймана. Так что не всё оказалось подвластно его хвалёному могуществу. Теперь ты понимаешь? Зубейда бросилась на шею матери и, перемешивая английские слова с арабскими сквозь слёзы сбивчиво бормотала:

- Да, да", я всё поняла ... Я горжусь своей сестрой". Она столько испытала, ничего не побоялась ..., нашла тебя и меня.

- Надеюсь, ты полетишь с нами в Варшаву. Бабушка будет счастлива. Так много счастья она и не ожидает. Мы не сообщали ей ещё о тебе. А позже решишь, где тебе жить.

- Да, да, конечно".

Через несколько дней Тадеуш с друзьями-геологами и польским консулом приехали в аэропорт проводить счастливую мать с дочерьми. Тадеуш отвёл в сторону Каролину. Страшно волнуясь, спросил:

- Прости, хочу задать тебе ужасно банальный вопрос, но для меня он очень важен ... Ждёт ли тебя друг в Варшаве?

- Да, ждёт, - просто ответила она.

- И ты его ... любишь?

- Думаю, что ... нет.

- А ... меня? ... Прости ..., это глупо?

- Думаю, что ... да.

- Что "да"?

- Думаю, что - да!

- Не понимаю, что - "да"?

- Господи! Да люблю же! Люблю!

- Как же это? ... Я так боялся ...

- А вот тех, кто чего-либо боится, совсем не люблю.

- Теперь уже ничего не боюсь! Боялся только одного ..., - подбежал к провожающим. - Каролина сказала: "Да!", моя маленькая Каролинка сказала: "Да!", - закричал Беате. Подскочил к Зубейде, расцеловал, - Твоя сестра сказала, что любит меня!

-Ну и что?

- Как что?! Это ведь сказал не кто-нибудь, а твоя сестра, самая замечательная, самая смелая, самая красивая девушка в мире!

Неожиданно Беата рванулась, увидев, что в их сторону идёт немолодой мужчина с двумя мальчиками. Дети, увидев мать, тоже бросились к ней. Мужчина остановился.

- Мама, не уезжай, мы не можем без тебя! Не уезжай, любимая! ...

Из глаз Беаты брызнули слёзы. Она крепко прижала к себе своих сыновей, подняла растерянное лицо к провожающим, несколько секунд стояла как бы в нерешительности, потом медленно повернулась к ним спиной и, обняв детей, так же медленно пошла в сторону продолжавшего неподвижно стоять Тадж-аль Мулюка.

- Мама, уже объявили посадку, идём же, - крикнула Каролина подбегая.

- Нет, девочки мои, не могу. Я - мать. Я должна быть при своих детях. Вы уже взрослые, я вам уже не так нужна, как им. Прощайте, мои любимые. До встречи.

Каролина и Зубейда поняли, что уговоры бесполезны. Мать всегда останется матерью. А ведь их мама особенная - самая лучшая, самая любимая, самая

красивая, самая преданная ...

Бабушка не могла опомниться от радостного известия, что дочь жива и здорова. А тут ещё и две внучки - не знала, какой больше радоваться. Через месяц вместе с Зубейдой полетела в Тегеран.

От внуков она пришла в полнейший восторг. Утверждала даже, что здесь детей воспитывают лучше - послушные и почитают старших. Но главным для неё, конечно, была вновь обрётённая дочь, любимая, многострадальная, единственная ...